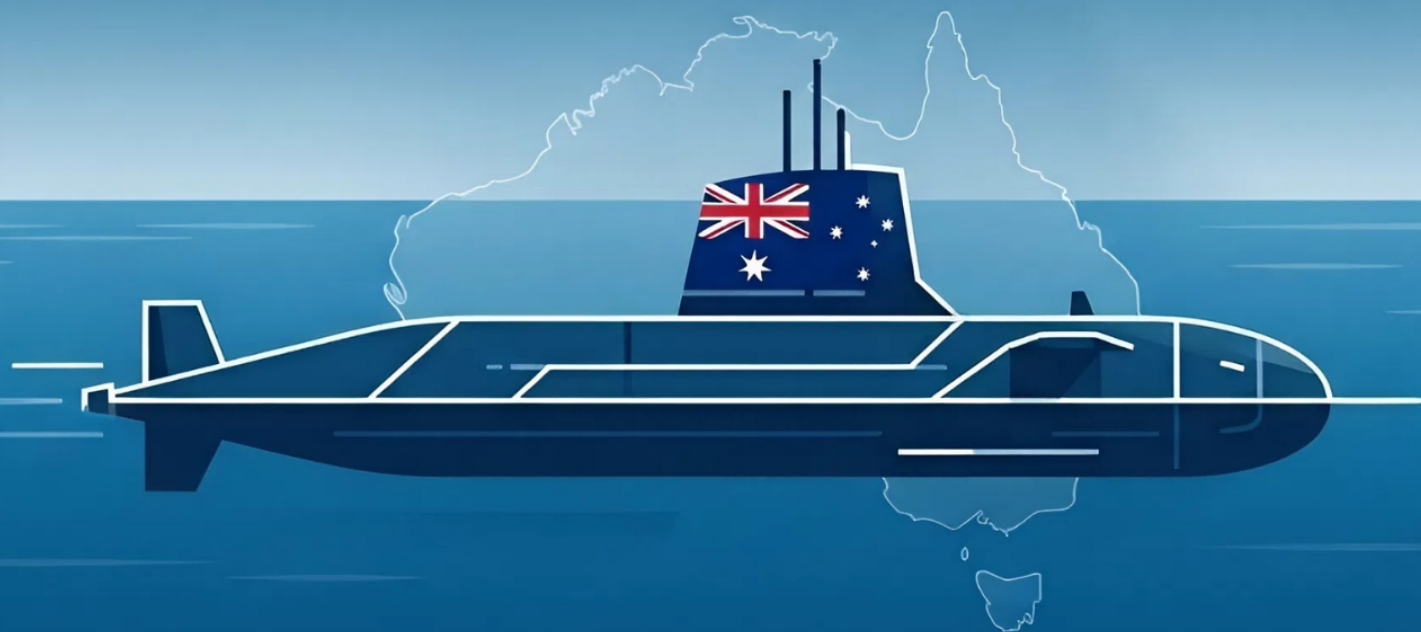

ПИР ПРЕСС приоритет

От союзника до самостоятельного игрока: перспективы ядерной независимости Австралии в рамках альянса AUKUS

Доклад ПИР-Центра

Москва
Август 2026

Автор:

Юрий Альбертович Шахов, редактор блока «Информация и цифровые коммуникации» ПИР-Центра, выпускник магистерской программы МГИМО МИД России и ПИР-Центра «Международная безопасность».

Рецензенты:

Дмитрий Викторович Стефанович, научный сотрудник Сектора военной экономики и инноваций Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, сооснователь проекта «Ватфор», член Экспертного совета ПИР-Центра

Владимир Александрович Ладанов, советник-посланник Посольства России в Индии, член Экспертного совета ПИР-Центра

Научный руководитель: Владимир Андреевич Орлов, директор и основатель ПИР-Центра, профессор МГИМО МИД России

Целью настоящего доклада является определение степени, в которой участие Австралии в партнерстве AUKUS способствует формированию ее ядерной независимости и укреплению стратегической автономии. В ходе исследования была рассмотрена эволюция оборонной политики Австралии и ее союзнических отношений, проанализированы возможности развития национальной ядерной инфраструктуры, а также изучены правовые, политические, экономические и технологические ограничения реализации данного процесса. Работа состоит из двух глав. Первая глава посвящена историческому развитию оборонной политики Австралии и формированию ее курса на стратегическую автономию. Во второй главе анализируются перспективы формирования ядерной независимости Австралии в рамках AUKUS, включая инфраструктурные возможности, международно-правовые ограничения и существующие экономические и технологические барьеры.

Данный доклад подготовлен в рамках консорциума МГИМО МИД России и ПИР-Центра под эгидой Программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Настоящий доклад подготовлен на основе магистерской диссертации, защищенной автором в МГИМО МИД России в июне 2026 года.

Работа по подготовке данного доклада была завершена 27 июля 2026 года.

Серия «Доклады ПИР-Центра». № 51

Читайте этот и другие доклады на нашем сайте:

https://pircenter.org/category_editions/doklady/

© ПИР-Центр, 2026

ISBN 978-5-6053389-8-7

9 785605 338987 >

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Исторический контекст и развитие оборонной политики Австралии.....	7
1.1. Австралия в системе международной безопасности	7
1.1.1. История военно-политических союзов Австралии	7
1.1.2. Роль США в обеспечении безопасности Австралии.....	22
1.2. Формирование оборонной стратегии Австралии в XXI веке.....	25
1.3. Первые шаги к стратегической автономии	32
1.3.1. Рост военных расходов.....	32
1.3.2. Программы по модернизации оборонного потенциала	35
Глава 2. Возможности формирования ядерной независимости Австралии.....	39
2.1 Перспективы развития национальной ядерной инфраструктуры.....	39
2.1.1 Технические, кадровые и научные ресурсы для создания собственной ядерной программы.....	42
2.1.2 Анализ существующей энергетической и военной инфраструктуры.....	56
2.1.3 Средства доставки	61
2.2 Юридические и политические ограничения	65
2.2.1 Обязательства по ДНЯО и МАГАТЭ	65
2.2.2 Нераспространенческая роль Австралии и дебаты вокруг AUKUS на Одиннадцатой обзорной конференции ДНЯО	67
2.2.3 Возможные изменения в национальной политике и международных договоренностях	75
2.3 Экономические и технологические барьеры	77
2.3.1 Финансовая нагрузка на реализацию независимой ядерной программы	78
2.3.2 Зависимость от технологий и ресурсов партнеров (США, Великобритания)	80
Выводы и рекомендации	83
Заключение. Владимир Ладанов.....	86

Введение

В настоящее время Австралия оказалась в эпицентре важнейших трансформаций в области международной безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе. Военная и политическая конкуренция между Вашингтоном и Пекином растет, как и значение морских коммуникаций. На наших глазах стремительными темпами идет технологическая гонка в сфере вооружений. Все это, как и кризис прежних моделей стратегической стабильности, заставляют Канберру пересматривать свои традиционные подходы к обеспечению национальной безопасности. На протяжении большей части XX века Австралия рассматривала собственную оборону прежде всего через призму союзнических отношений с Великобританией, а затем и с США. В наши дни все большее значение среди политических и военных элит в Австралии приобретает вопрос о способности страны действовать не только как надежный союзник, но и как самостоятельный игрок на «шахматной доске».

Оборонная политика Австралии исторически формировалась под влиянием географического расположения страны и ощущения стратегической уязвимости. Австралия находится на удалении от традиционных центров силы западного мира, но при этом расположена в непосредственной близости к Юго-Восточной Азии и южной части Тихого океана. Такой географический расклад способствовал тому, что у Австралии формировалась зависимость от наличия государств, которые выступали бы гарантами ее безопасности. Британия долгие годы оставалась главным гарантом австралийской безопасности.

После окончания Второй мировой войны эта функция перешла к США. Концепция австралийской национальной безопасности строится сегодня на основе многостороннего сотрудничества в рамках альянса Five Eyes, соглашения о договорной обороне ANZUS, Quad-формата, FPDA и других многосторонних форматов – совокупности взаимных гарантированных обязательств по вопросам обороны и разведывательного содружества.

Международная обстановка вокруг страны за последние десятилетия серьезно обострилась. Китайское влияние в Индо-Тихоокеанском регионе стремительно расширяется, а вооруженные силы КНР превращаются во все более серьезного соперника для традиционных региональных держав. Сомнения в надежности американских гарантий безопасности, активное развитие систем вооружений в странах Азии и нарастающая напряженность вокруг Тайваня вынудили Канберру пересмотреть подходы к собственной обороне – страна постепенно отходит от почти полной зависимости от союзников и все активнее включается в формирование регионального баланса сил. Особое значение в этом контексте приобрел альянс AUKUS между Австралией, Великобританией и США, о создании которого объявили в сентябре 2021 года. Этот трехсторонний договор стал одним

из наиболее значимых событий в современной истории австралийской оборонной политики. AUKUS не только про координацию и совместные действия, направленные на поддержку «мира во всем мире», а в данном случае в Индо-Тихоокеанском регионе, он и про формат глубокой военно-технологической интеграции. Первый «столп» AUKUS связан с приобретением Австралией атомных подводных лодок с обычным вооружением, а второй – с развитием передовых военных технологий.

Актуальность данной темы определяется тем, что AUKUS впервые открывает Австралии доступ к технологиям военно-морской ядерной энергетики, которыми до этого обладал крайне ограниченный круг государств. Речь не идет о передаче Австралии ядерного оружия. Будущие австралийские подводные лодки должны быть оснащены ядерными энергетическими установками, но без баллистических ракет на борту. Тем не менее, сам факт получения неядерным государством атомных подводных лодок создает совершенно новый прецедент как для самой Австралии, так и для глобального режима ядерного нераспространения. Канберра оказывается в крайне интересном и двойственном положении. Австралия сохраняет за собой официальный статус неядерного государства, подписавшего Договор о нераспространении ядерного оружия. Но в это же время Канберра получает доступ к технологиям, инфраструктуре и знаниям, которыми традиционно обладают в основном ядерные державы.

В этой связи особую научную и практическую значимость приобретает вопрос о перспективах так называемой ядерной независимости Австралии. В рамках данной магистерской диссертации под ядерной независимостью понимается не обязательно способность создать атомную бомбу, а скорее способность Австралии самостоятельно развивать, контролировать и использовать ключевые элементы ядерной научно-технической, промышленной, кадровой и инфраструктурной базы.

Главная проблема заключается в противоречиях между участием Австралии в AUKUS и ее стремлением быть самостоятельным игроком. С одной стороны, AUKUS еще глубже встраивает Канберру в систему военно-политической и технологической зависимости от Вашингтона и Лондона. Программу атомных подводных лодок невозможно будет реализовать без американских и британских технологий, промышленности, специалистов и доступа к чувствительной информации. С другой стороны, именно участие в AUKUS дает Австралии то, чего у нее раньше почти не было. Речь идет о доступе к технологиям, подготовке специалистов, инфраструктуре и более тесной работе с американскими и британскими военными специалистами. В долгосрочной перспективе это может заметно поднять уровень компетенций страны в ядерной области. Даже если речь

идет не о создании собственного ядерного оружия, а о развитии сложной технологической базы вокруг атомной энергетики военного назначения.

Глава 1. Исторический контекст и развитие оборонной политики Австралии

1.1. Австралия в системе международной безопасности

1.1.1. История военно-политических союзов Австралии

Эволюция оборонной политики Австралии во многом обусловлена ее географическим положением: обладая территорией целого континента, сама страна находится далеко от традиционных в нашем понимании центров силы Запада, но при этом в непосредственной близости к Юго-Восточной Азии и южной части Тихого океана. Такое положение породило устойчивое ощущение стратегической уязвимости, которое австралийский исследователь Аллан Джингелл охарактеризовал термином *fear of abandonment* – страх оказаться без внешнего покровителя. По его мнению, после Второй мировой войны Австралия сформировала три вектора внешнеполитического поведения: ориентацию на «великих и могущественных друзей», стремление к созданию более благоприятной региональной среды в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также приверженность международному правопорядку¹.

До середины XX века основным гарантом безопасности Австралии была Великобритания. Австралийская внешняя и оборонная политика долгое время формировалась в рамках Британской империи, а затем Британского Содружества, что определяло участие Канберры в войнах и кризисах, связанных прежде всего с интересами Лондона. В первые десятилетия австралийская безопасность рассматривалась как неотъемлемая часть безопасности Британской империи, а формирование направлений внешней политики оставалось прерогативой Лондона, а не независимой Канберры².

Поворотным моментом стала Вторая мировая война, когда падение Сингапура и продвижение Японии в Тихом океане продемонстрировали, что британские возможности по защите Австралии достаточно ограничены. С 1942 года австралийское руководство все чаще стало смотреть в сторону Вашингтона, полагая, что выживание страны возможно только с опорой на военную мощь США³.

¹ Gyngell A. *Fear of Abandonment: Australia in the World Since 1942*. Melbourne: La Trobe University Press, 2017. P. 16-17, 22-23.

² Gyngell A. *Fear of Abandonment: Australia in the World Since 1942*. Melbourne: La Trobe University Press, 2017. P. 16-19.

³ Dean P.J., Frühling S., Taylor B., eds. *Australia's Defence: Towards a New Era?* Melbourne: Melbourne University Press, 2014. P. 231.

После окончания Второй мировой войны Канберра стремилась обеспечить собственную безопасность при помощи интеграции в самые разнообразные международные и региональные структуры, такие как: ООН, Британское Содружество, региональные соглашения и союз с США. Однако уже в первые послевоенные годы стало ясно, что Совет Безопасности ООН не сможет полностью заменить собой гарантии безопасности от великих держав. Некогда могущественная Британская империя стала слабеть. На этом фоне США становятся главным внешним партнером Австралии в Тихоокеанском регионе⁴. Как отмечается в коллективной работе под редакцией П. Дина, С. Фрюлинга и Б. Тейлора, «в послевоенный период австралийская стратегия опиралась на Британское Содружество, ANZUS, SEATO и ООН», однако к середине 1960-х гг. именно отношения с США стали главным стратегическим партнерством Австралии»⁵.

Ключевым институциональным оформлением стал ANZUS –Тихоокеанский пакт безопасности между Австралией, Новой Зеландией и США, подписанный в Сан-Франциско 1 сентября 1951 года и вступивший в силу 29 апреля 1952 года⁶. Согласно официальной исторической справке Госдепартамента США, ANZUS был соглашением, направленным на обеспечение безопасности Тихоокеанского региона в условиях Холодной войны⁷.

Важно отметить, что ANZUS не был аналогом НАТО. Договор не предусматривал, в отличие от статьи V Североатлантического договора, обязательства оказать немедленную военную поддержку стране-участнице договора, подвергшейся нападению. Предполагались лишь консультации и действия сторон в соответствии с их конституционными процедурами. В тексте договора статья IV фиксирует, что вооруженное нападение в Тихоокеанском районе на одну из сторон будет рассматриваться как угроза миру и безопасности каждой из них, однако, ответные действия должны осуществляться «в соответствии с конституционными процедурами»⁸.

Именно поэтому с самого начала ANZUS имел двойственный характер: с одной стороны, он давал Австралии то, что ей было на тот момент крайне необходимо – стратегическую поддержку со стороны США, – но, с другой стороны, оставлял Вашингтону

⁴ McLean D. From British Colony to American Satellite? Australia and the USA during the Cold War // Australian Journal of Politics and History. 2006. Vol. 52, № 1. P. 68-70.

⁵ Dean P.J., Frühling S., Taylor B., eds. Australia's Defence: Towards a New Era? Melbourne: Melbourne University Press, 2014. P. 231.

⁶ Security Treaty between Australia, New Zealand and the United States of America // United Nations Treaty Collection. URL: <https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=08000002801531ad> (accessed: 10.01.2026).

⁷ Office of the Historian. The Australia, New Zealand and United States Security Treaty (ANZUS Treaty), 1951. URL: <https://history.state.gov/milestones/1945-1952/anzus> (accessed: 10.01.2026).

⁸ Dean P.J., Frühling S., Taylor B., eds. Australia's Defence: Towards a New Era? Melbourne: Melbourne University Press, 2014. P. 236-237.

и Канберре широкие возможности для политического маневра⁹. В работе «Australia's American Alliance» отмечается, что ANZUS с 1951 года стал основой для безопасности Австралии, однако, периодически возникали вопросы о его реальной значимости. Сначала речь шла о том, насколько Австралия способна проводить самостоятельную внешнюю политику в рамках альянса. Чуть позже стали задавать вопросы о влиянии альянса на отношения с азиатскими странами, а уже после мирового финансового кризиса 2008 года и вовсе об устойчивости и надежности самих США¹⁰.

Создание ANZUS обусловлено не только опасениями Австралии по поводу возможного возрождения японского милитаризма. В первую очередь речь шла о сдерживании коммунизма в Азии. Коммунистическая революция в Китае в 1949 году, Корейская война и не до конца понятное будущее Японии усилили стремление Канберры получить формальные американские гарантии безопасности. Дэвид Маклин в своей статье указывает, что и лейбористы, и консерваторы в Австралии видели в договоре с США возможность гарантировать обеспечение австралийских интересов при помощи американской военной мощи¹¹.

Помимо ANZUS, Австралия присоединилась и к другим военно-политическим союзам. В сентябре 1954 г. США, Франция, Великобритания, Новая Зеландия, Австралия, Филиппины, Таиланд и Пакистан основали Организацию договора Юго-Восточной Азии SEATO. Данный военно-политический блок стал механизмом сдерживания коммунизма в Юго-Восточной Азии¹².

Для Австралии участие в ANZUS и SEATO отвечало доктрине «обороны на передовых рубежах», то есть попытке ликвидировать угрозу и сделать это как можно дальше от австралийского материка¹³.

В 1950-1960-е гг. Австралия приняла участие в ряде военных кампаний и операций, которые соответствовали данной союзнической логике. Австралийские солдаты участвовали в боевых действиях, начиная с Корейской войны, Малайской чрезвычайной

⁹ McLean D. From British Colony to American Satellite? Australia and the USA during the Cold War // Australian Journal of Politics and History. 2006. Vol. 52, № 1. P. 78-89.

¹⁰ Dean P.J., Frühling S., Taylor B., eds. Australia's American Alliance: Towards a New Era? Melbourne: Melbourne University Press, 2016. P. 69-90.

¹¹ McLean D. From British Colony to American Satellite? Australia and the USA during the Cold War // Australian Journal of Politics and History. 2006. Vol. 52, № 1. P. 68-70; McDonald S.D., Tan A.T.H. (eds.). The Future of the United States-Australia Alliance: Evolving Security Strategy in the Indo-Pacific. London; New York: Routledge, 2021. P. 19.

¹² Office of the Historian. Southeast Asia Treaty Organization (SEATO), 1954. URL: <https://history.state.gov/milestones/1953-1960/seato> (accessed: 10.01.2026).

¹³ Тимошенко В.Н. «Доклад Дибба» и политика Австралии в области национальной обороны в 80-е годы XX века // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 3. С. 284-287.

ситуации¹⁴, Индонезийско-малайзийской конфронтации и заканчивая войной во Вьетнаме. Вовлеченность Австралии в перечисленные конфликты демонстрирует, что Канберра рассматривала собственную безопасность не только через призму защиты собственной территории, но и через поддержание регионального баланса сил в одном ряду с Великобританией и США¹⁵. В работе «Australia's Defence: Towards a New Era?» подчеркивается, что до того, как союз с США окончательно стал центральной опорой австралийской стратегии обеспечения безопасности, Австралия продолжала активно опираться на механизмы и связи Британского Содружества, что проявилось в ее участии в послевоенной оккупации Японии, Корейской войне, Малайской чрезвычайной ситуации и индонезийско-малайзийской конфронтации¹⁶.

Сокращение британского военного присутствия «к востоку от Суэца» подтолкнуло пять государств к заключению соглашения Five Power Defence Arrangements, вступившего в силу 1 ноября 1971 года. Сингапур, Малайзия, Новая Зеландия, Великобритания и Австралия подписали документ, который пришел на смену Англо-Малайскому оборонному соглашению и закрепил обязательство сторон проводить взаимные консультации при вооруженной агрессии против Малайзии или Сингапура¹⁷.

FPDA так и не стал полноценным альянсом с обязательством военного вмешательства. Тем не менее для Австралии он остается одним из наиболее устойчивых многосторонних оборонных механизмов в Юго-Восточной Азии. Исследователь Карлайл Тэйер охарактеризовал FPDA как «тихого победителя» региональной безопасности, поскольку без масштабной институционализации соглашение сохранило практическую значимость и обеспечивает консультации, совместные учения, координацию между пятью государствами¹⁸.

Разведывательное сотрудничество Австралии с англосаксонскими партнерами занимает особое место в ее внешнеполитической архитектуре. В 1956 году страна формально присоединилась к соглашению UKUSA, ставшему основой многостороннего разведывательного альянса Five Eyes¹⁹.

¹⁴ Партизанская война 1948-1960 гг. между вооруженными силами Содружества и Малайской национально-освободительной армией.

¹⁵ Dean P.J., Frühling S., Taylor B. (eds.). Australia's American Alliance: Towards a New Era? Melbourne: Melbourne University Press, 2016. P. 257-258.

¹⁶ Dean P.J., Frühling S., Taylor B., eds. Australia's Defence: Towards a New Era? Melbourne: Melbourne University Press, 2014. P. 214-215.

¹⁷ Five Power Defence Arrangements. History. URL: <https://www.fivepowerdefencearrangements.org/history> (accessed: 10.01.2026).

¹⁸ Thayer C.A. The Five Power Defence Arrangements: The Quiet Achiever // Security Challenges. 2007. Vol. 3, № 1. P. 79.

¹⁹ Australian Signals Directorate. Intelligence partnerships. URL: <https://www.asd.gov.au/about/history/asd-stories/2022-03-16-intelligence-partnerships> (accessed: 10.01.2026).

Для Австралии этот альянс вышел далеко за рамки партнерства в сфере разведки, превратившись в один из ключевых столпов национальной безопасности. Благодаря нему Канберра получила доступ к массивам разведданных, технологиям и аналитическим возможностям, которые в одиночку воспроизвести было бы невозможно. На официальном сайте австралийского правительства говорится, что UKUSA заложило фундамент того, что позже превратилось в Five Eyes. Сами подробности соглашения были обнародованы лишь в 2010 году²⁰.

В официальной Белой книге по обороне за 2016 год прямо сказано, что партнерство с Великобританией развивается в рамках FPDA и Five Eyes²¹. Отсюда можно констатировать, что даже при максимально тесном взаимодействии с США австралийцы не отказались от партнерства с другими англосаксонскими странами, напротив, Канберра стремится поддерживать и развивать с ними отношения в оборонной сфере.

Кризис ANZUS 1980-х гг., который был связан с антиядерной политикой Новой Зеландии²², выявил, что система союзов, в которых участвовала Австралия, могла сталкиваться с глубокими внутренними противоречиями. Правительство Роберта Хоука не хотело резко обрывать все связи с Новой Зеландией, но также одновременно стремилось сохранить военно-политическое сотрудничество с США²³.

Итогом кризиса стал достаточно рациональный выбор, сделанный австралийскими политиками. Австралия стремилась как сохранить ANZUS и стратегическое партнерство с Вашингтоном, так и одновременно увеличивать самостоятельность в региональных делах. Именно в этом контексте «Доклад Дибба» 1986 года обозначил переход к более самостоятельной логике оборонного планирования. С тех пор собственные интересы Австралии ставились на первый план, хотя, конечно, ни о каком разрыве в отношениях с США не могло идти и речи²⁴.

После окончания Холодной войны значение военно-политических союзов для Австралии не снизилось, оно скорее просто трансформировалось. Канберра продолжала принимать участие в совместных операциях США и западных союзников в Персидском заливе, Афганистане, Ираке, а также в миссиях в Восточном Тиморе и в Южно-Тихоокеанском регионе. При этом союз Австралии с США все чаще стал рассматриваться

²⁰ Ibid.

²¹ Commonwealth of Australia. 2016 Defence White Paper. Canberra, 2016. P. 137.

²² Новая Зеландия отказалась допускать в свои территориальные воды корабли с ядерным оружием на борту или корабли, оснащенные ядерными энергетическими установками.

²³ Тимошенко В.Н. «Доклад Дибба» и политика Австралии в области национальной обороны в 80-е годы XX века // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 3. С. 284-287.

²⁴ Ibid.

не просто как способ обеспечить защиту континента, но и как возможность интегрировать Австралию в глобальную архитектуру западной безопасности.

В начале XXI века австралийско-американское военно-политическое сотрудничество стало более универсальным. Австралия вместе с Америкой принимала участие в операциях на Ближнем и Среднем Востоке, расширила взаимодействие в области ПРО, кибербезопасности, проводила военные маневры. Российский исследователь Владимир Щербунов подчеркивает, что в этот же период «были заложены основы более тесного взаимодействия сухопутных и авиационных сил, начаты регулярные учения Talisman Sabre, развивался Трехсторонний стратегический диалог с участием Японии»²⁵.

Важным элементом союзнической инфраструктуры стали United States Force Posture Initiatives в 2011 году. Они предусматривали присутствие 2500 американских морских пехотинцев в Дарвине на ротационной основе, расширение совместных учений, углубление авиационного взаимодействия и повышение инфраструктурной совместимости вооруженных сил двух стран²⁶. Министерство обороны Австралии называет эти программы «важной частью партнерства с США» и «конкретным проявлением надежности альянса и участия Австралии в обеспечении безопасности Индо-Тихоокеанского региона»²⁷.

Отдельно стоит сказать, что существует программа Marine Rotational Force – Darwin. Как указывает само Министерство обороны Австралии, она относится к United States Force Posture Initiatives и предусматривает совместные тренировки и учения с целью развития интероперабельности²⁸ армии Австралии и 1-го экспедиционного корпуса морской пехоты США²⁹.

В XXI веке к традиционным союзам добавились новые форматы стратегического взаимодействия. Прежде всего речь идет про Quad и AUKUS. Quad, в который входят Австралия, Индия, Япония, США, не является в классическом понимании военным союзом. МИД Австралии определяет его как «дипломатическое партнерство», направленное на

²⁵ Щербунов В.О. Военно-политические отношения Австралии и США в условиях роста влияния Китая в АТР // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 4. С. 32-46.

²⁶ Crane M. Boosting the US presence in northern Australia – slowly but surely // The Strategist, 2019. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/boosting-the-us-presence-in-northern-australia-slowly-but-surely/> (accessed: 10.01.2026).

²⁷ Australian Government, Department of Defence. United States Force Posture Initiatives. URL: <https://www.defence.gov.au/defence-activities/programs-initiatives/united-states-force-posture-initiatives> (accessed: 10.01.2026).

²⁸ Интероперабельность (interoperability) – способность армий двух стран действовать вместе: использовать совместимые системы связи, обмениваться разведанными, проводить общие учения, координировать авиацию, флот и сухопутные силы, а также применять схожие стандарты планирования и управления.

²⁹ Australian Government, Department of Defence. Marine Rotational Force – Darwin. URL: <https://www.defence.gov.au/defence-activities/programs-initiatives/united-states-force-posture-initiatives/marine-rotational-force-darwin-initiative> (accessed: 10.01.2026).

поддержку мирного, стабильного и процветающего Индо-Тихоокеанского региона, а также как один из ключевых элементов внешней политики Австралии³⁰.

AUKUS, о создании которого было объявлено 15 сентября 2021 года³¹, стал одним из самых важных элементов современной системы безопасности Австралии. Его значение связано не только с военным сотрудничеством Канберры с Вашингтоном и Лондоном, но и с тем, что это партнерство фактически открыло для Австралии доступ к технологиям, которыми раньше обладал очень узкий круг государств. На официальном сайте Министерства иностранных дел Австралии AUKUS описывается как «расширенное партнерство в сфере безопасности между Австралией, Великобританией и США». Его суть заключается в обмене информацией и технологиями, а также в совместной разработке передовых вооружений³². Главной инициативой в рамках этого партнерства стало решение о приобретении Австралией атомных подводных лодок с обычным вооружением³³. Иными словами, речь идет о подводных лодках с ядерной энергетической установкой, но без ядерного оружия на борту. Похожая характеристика AUKUS дается и в материалах британского парламента. Там он рассматривается как оборонное партнерство трех стран. Особое внимание уделяется «столпу 1» (Pillar 1) – первому направлению AUKUS, которое связано с формированием у Австралии первого в ее истории флота атомных подводных лодок с обычным вооружением³⁴.

Стоит отметить, что AUKUS не совсем корректно называть обычным военным союзом, вроде НАТО. Это, как уже было упомянуто выше, скорее стратегическое военно-технологическое партнерство, в рамках которого Австралия, США и Великобритания углубляют сотрудничество в сфере обороны, технологий и обмена информацией. Российский исследователь Ольга Леонова описывает AUKUS как новое расширенное трехстороннее партнерство в области безопасности между Австралией, Великобританией и США, официальной целью которого является поддержание мира, безопасности и стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе³⁵. Однако на практике значение AUKUS

³⁰ Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. The Quad. URL: <https://www.dfat.gov.au/international-relations/regional-architecture/quad> (accessed: 10.01.2026).

³¹ Торопчин Г. Акценты английского: к вопросу об образовании AUKUS // Российский совет по международным делам, 2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/aktsenty-angliyskogo-k-voprosu-ob-obrazovanii-aukus/> (дата обращения: 10.02.2026).

³² Department of Foreign Affairs and Trade. United States of America country brief // Australian Government. URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/united-states-of-america/united-states-of-america-country-brief> (accessed: 10.01.2026).

³³ Joint Leaders Statement On AUKUS // Prime Minister of Australia, 2023. URL: <https://www.pm.gov.au/media/joint-leaders-statement-aukus> (accessed: 10.01.2026).

³⁴ Mills C. AUKUS submarine (SSN-A) programme: Research Briefing № 9843. London: House of Commons Library, 2024. P. 2-3. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-9843/> (accessed: 10.01.2026).

³⁵ Леонова О.Г. Влияние стратегического партнерства AUKUS на геополитическую ситуацию в Индо-Тихоокеанском регионе // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 3. С. 195.

выходит далеко за рамки обычных консультаций или дипломатического взаимодействия. Даже несмотря на то, что в нем нет положения о коллективной обороне, аналогичного статье V НАТО, это партнерство создает прочную основу для военной, технологической³⁶, промышленной и разведывательной интеграции трех государств.

AUKUS обычно рассматривают через два основных направления, или, как их называют в официальных документах, два «столпа» – Pillar 1 и Pillar 2. Первый из них связан прежде всего с подводными лодками. Речь идет о том, что Австралия должна получить атомные подводные лодки с обычным вооружением. То есть эти лодки будут использовать ядерную энергетическую установку, но не будут нести ядерное оружие. Второе направление AUKUS намного шире. «Столп 2» (Pillar 2) касается сотрудничества трех стран в области передовых военных технологий³⁷. Сюда входят искусственный интеллект, автономные системы, кибертехнологии, квантовые разработки, гиперзвуковые и противогиперзвуковые возможности, а также радиоэлектронная борьба. Поэтому AUKUS нельзя сводить только к вопросу о подводных лодках. В докладе «Congressional Research Service» по «столпу 2» отмечается, что AUKUS был создан для поддержки «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», который должен оставаться безопасным и стабильным. В этом же докладе подчеркивается, что вся деятельность трех партнеров строится вокруг двух направлений: программы атомных подводных лодок и разработки передовых военных возможностей³⁸.

В марте 2023 года Австралия, США и Великобритания представили так называемый «Optimal Pathway», то есть «оптимальный путь» реализации первого столпа AUKUS. Этот план появился не сразу после объявления партнерства, а лишь после 18 месяцев консультаций между тремя странами³⁹. За это время стороны должны были определить, каким образом Австралия сможет получить атомные подводные лодки с обычным вооружением и при этом не нарушить международные обязательства в сфере ядерного нераспространения. Согласно официальному британскому документу, опубликованному после встречи лидеров Австралии, США и Великобритании 13 марта 2023 года, главная цель «оптимального пути» заключается в том, чтобы передать Австралии возможность эксплуатировать атомные подводные лодки без ядерного оружия на борту и одновременно

³⁶ Department of Foreign Affairs and Trade. Australia's steadfast commitment to ASEAN centrality // Australian Government. URL: <https://www.dfat.gov.au/news/news/australias-steadfast-commitment-asean-centrality> (accessed: 12.01.2026).

³⁷ Nicastro L. A. AUKUS Pillar 2: Background and Issues for Congress: CRS Report R47599. Washington, DC: Congressional Research Service, 2024. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47599> (accessed: 12.01.2026).

³⁸ Ibid.

³⁹ Mills C. AUKUS submarine (SSN-A) programme: Research Briefing № 9843. London: House of Commons Library, 2024. P. 8. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-9843/> (accessed: 12.01.2026).

сохранить максимально высокий стандарт ядерного нераспространения⁴⁰. В британском парламентском брифинге также отмечается, что после объявления AUKUS была создана специальная так называемая «Объединенная руководящая группа» (Joint Steering Group), куда вошли высокопоставленные представители трех стран⁴¹.

«Оптимальный путь» включает несколько этапов, которые должны постепенно подготовить Австралию к эксплуатации атомных подводных лодок. На первом этапе речь идет об увеличении числа заходов американских и британских атомных подводных лодок в австралийские порты. США начали расширять такие визиты с 2023 года, а Великобритания должна сделать это с 2026 года⁴². Это нужно не только для демонстрации присутствия союзников в регионе. Более важная задача заключается в том, чтобы Австралия заранее подготовила необходимую инфраструктуру, специалистов, систему обслуживания и правовую базу для работы с атомными подводными лодками. В официальных материалах AUKUS также подчеркивается, что австралийские военные и гражданские специалисты будут проходить подготовку в структурах ВМС США, Королевского флота Великобритании, а также на предприятиях подводной промышленности этих стран. Такой подход должен ускорить формирование у Австралии собственного опыта в эксплуатации и обслуживании атомного подводного флота⁴³.

Следующий этап связан с созданием с 2027 года Submarine Rotational Force-West (SRF-West) на базе HMAS Stirling в Западной Австралии⁴⁴. В рамках этого формата предполагается ротационное присутствие одной британской атомной подводной лодки класса *Astute* и до четырех американских подводных лодок класса *Virginia*⁴⁵. В состав SRF-West не будут входить подводные лодки с баллистическими ядерными ракетами. Это связано с международными обязательствами Австралии и ее статусом государства, не обладающего ядерным оружием. Австралия сохраняет контроль над инфраструктурой, а вся

⁴⁰ UK Government. Fact sheet: Trilateral Australia-UK-US Partnership on Nuclear-Powered Submarines // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/joint-leaders-statement-on-aukus-13-march-2023/fact-sheet-trilateral-australia-uk-us-partnership-on-nuclear-powered-submarines> (accessed: 12.01.2026).

⁴¹ Mills C. AUKUS submarine (SSN-A) programme: Research Briefing № 9843. London: House of Commons Library, 2024. P. 8. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-9843/> (accessed: 12.01.2026).

⁴² Australian Minister for Defence. AUKUS nuclear-powered submarine pathway // Defence Ministers. URL: <https://www.minister.defence.gov.au/media-releases/2023-03-14/aukus-nuclear-powered-submarine-pathway> (accessed: 12.01.2026).

⁴³ Kim C., Lee D., Magney N., Troutman N., Tzinieris S., Wright T., eds. AUKUS Briefing Book. April 2024 Update. Security & Defence PLuS, 2024. P. 19-20. URL: <https://securityanddefenceplus.plusalliance.org/wp-content/uploads/2024/05/Security-Defence-PLuS-AUKUS-Briefing-Book-April-2024-Update-1.pdf> (accessed: 12.01.2026).

⁴⁴ Submarine Rotational Force – West: factsheet // Australian Submarine Agency. – Australian Government, 2024. URL: <https://www.asa.gov.au/sites/default/files/documents/2024-10/SRFWest-Factsheet.pdf> (accessed: 12.01.2026).

⁴⁵ USS Annapolis Port Visit in Perth, Australia // U.S. Department of War, 2024. URL: <https://www.war.gov/News/Releases/Release/Article/3702815/uss-annapolis-port-visit-in-perth-australia/> (accessed: 12.01.2026).

деятельность США и Великобритании должна осуществляться по согласованию с Канберрой и на прозрачной основе⁴⁶.

Третий этап связан уже с передачей Австралии американских атомных подводных лодок класса *Virginia*. По заявлению Министерства обороны Австралии, США должны продать Австралии три такие подводные лодки в начале 2030-х гг⁴⁷. Это необходимо для того, чтобы у Австралии не возникло проблем после вывода из эксплуатации старых дизель-электрических подводных лодок класса *Collins* и до появления новых *SSN-AUKUS*⁴⁸. Эта часть AUKUS получила законодательное оформление в США в декабре 2023 года. Тогда Конгресс принял «National Defense Authorization Act» на 2024 финансовый год. В нем была разрешена передача Австралии трех подводных лодок класса *Virginia*: двух уже находящихся на службе и одной новой. Кроме того, документ допускает возможность последующего одобрения продажи еще двух таких лодок⁴⁹. «Congressional Research Service» по программе *Virginia-class* также прямо говорится, что «столп 1» включает три ключевых элемента: ротационное размещение американских и британских атомных подводных лодок в Западной Австралии, продажу Австралии трех-пяти лодок класса *Virginia*, а затем строительство новых подводных лодок *SSN-AUKUS*⁵⁰.

Четвертый этап является, по сути, самым важным для всей программы. Он связан с созданием новых подводных лодок *SSN-AUKUS*. Эти подводные лодки будут разрабатываться на основе британского проекта, но при этом в них должны использоваться технологии всех трех стран⁵¹. Особенно важную роль здесь будут играть передовые американские подводные технологии. В официальном пресс-релизе Министерства обороны Австралии *SSN-AUKUS* описывается как новая атомная подводная лодка с обычным вооружением. То есть она будет иметь ядерную энергетическую установку, но не будет

⁴⁶ Mills C. AUKUS submarine (SSN-A) programme: Research Briefing № 9843. London: House of Commons Library, 2024. P. 10. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-9843/> (accessed: 12.01.2026).

⁴⁷ Сапожникова И. Пересмотр соглашения по атомным подводным лодкам с AUKUS: мотивы и последствия // Российский совет по международным делам, 2025. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/irina-sapozhnikova/peresmotr-soglasheniya-po-atomnym-podvodnym-lodkam-s-aukus-motivy-i-po/> (дата обращения: 02.03.2026)

⁴⁸ Australian Minister for Defence. AUKUS nuclear-powered submarine pathway // Defence Ministers. URL: <https://www.minister.defence.gov.au/media-releases/2023-03-14/aukus-nuclear-powered-submarine-pathway> (accessed: 02.03.2026).

⁴⁹ Australian Minister for Defence. Passage of priority AUKUS submarine and export control exemption legislation by the United States Congress // Defence Ministers. URL: <https://www.minister.defence.gov.au/media-releases/2023-12-15/passage-priority-aukus-submarine-export-control-exemption-legislation-united-states-congress> (accessed: 02.03.2026).

⁵⁰ O'Rourke R. Navy Virginia-Class Submarine Program and AUKUS Submarine (Pillar 1) Project: Background and Issues for Congress: CRS Report RL32418. Washington, DC: Congressional Research Service, 2024. P. 26. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/RL/RL32418> (accessed: 02.03.2026).

⁵¹ UK Government. Fact sheet: Trilateral Australia-UK-US Partnership on Nuclear-Powered Submarines // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/joint-leaders-statement-on-aukus-13-march-2023/fact-sheet-trilateral-australia-uk-us-partnership-on-nuclear-powered-submarines> (accessed: 02.03.2026).

нести ядерное оружие. Проект будет основан на британской платформе, однако в него планируется включить современные австралийские, британские и американские разработки⁵². По плану, Великобритания должна получить первую подводную лодку *SSN-AUKUS* в конце 2030-х гг. Австралия, в свою очередь, рассчитывает передать первую лодку, построенную уже на своей территории, Королевскому австралийскому флоту в начале 2040-х гг⁵³. В британском парламентском брифинге уточняется, что *SSN-AUKUS* будет использоваться и Великобританией, и Австралией как атомная ударная подводная лодка с обычным вооружением. Она должна выполнять задачи разведки, наблюдения, ведения подводной войны⁵⁴.

Военное значение AUKUS прежде всего связано с тем, какие возможности дают Австралии атомные подводные лодки. По сравнению с дизель-электрическими подводными лодками они имеют гораздо большую автономность, могут дольше находиться в море, быстрее перемещаться и действовать более скрытно. В «AUKUS Briefing Book» отмечается, что дизель-электрические лодки вынуждены время от времени всплывать или использовать шноркель для подзарядки батарей. Атомные подводные лодки, напротив, способны выполнять более дальние миссии и дольше оставаться незаметными⁵⁵. Для Австралии это имеет особое значение. Речь идет уже не только о защите собственных берегов, но и о возможности действовать на большом расстоянии в Индо-Тихоокеанском регионе. В Австралийской стратегии подводной промышленности 2025 году прямо говорится, что атомные подводные лодки сложнее обнаружить, они обладают большей дальностью и продолжительностью плавания. Кроме того, такие лодки позволяют Австралии удерживать потенциально важные цели «под прицелом» как можно дальше от своей территории⁵⁶.

Когда мы говорим про AUKUS, то подразумеваем не только военное измерение, но и серьезный толчок для промышленности. Программа АПЛ стала одним из крупнейших промышленных проектов за всю историю страны. Речь идет не просто о покупке уже готовых подводных лодок у союзников, а о создании производственной базы, цепочек

⁵² Australian Minister for Defence. AUKUS nuclear-powered submarine pathway // Defence Ministers. URL: <https://www.minister.defence.gov.au/media-releases/2023-03-14/aukus-nuclear-powered-submarine-pathway> (accessed: 02.03.2026).

⁵³ BMC США продадут Австралии подлодки в рамках партнерства AUKUS в 2030-х годах // ТАСС, 2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19277881> (дата обращения: 04.03.2026).

⁵⁴ Mills C. AUKUS submarine (SSN-A) programme: Research Briefing № 9843. London: House of Commons Library, 2024. P. 5-8. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-9843/> (accessed: 04.03.2026).

⁵⁵ Kim C., Lee D., Magney N., Troutman N., Tzinieris S., Wright T., eds. AUKUS Briefing Book. April 2024 Update. Security & Defence PLuS, 2024. P. 14-15. URL: <https://securityanddefenceplus.plusalliance.org/> (accessed: 04.03.2026).

⁵⁶ Australian Submarine Agency. Australia's AUKUS Submarine Industry Strategy. Canberra: Australian Government, 2025. P. 15. URL: <https://www.asa.gov.au/sites/default/files/documents/2025-03/Australias-AUKUS-Submarine-Industry-Strategy.pdf> (accessed: 04.03.2026).

поставок, инфраструктуры, новых рабочих мест и подготовке специалистов. В документе «Australia's AUKUS Submarine Industry Strategy» отмечается, что программа должна создать около 20 тысяч рабочих мест в Австралии в течение ближайших 30 лет. AUKUS в данном случае работает не только как оборонное соглашение, но и как возможность промышленной модернизации⁵⁷. Можно смело сказать, что это одна из самых масштабных промышленных трансформаций в истории Австралии. Через AUKUS Канберра не только усиливает военный потенциал, но и формирует собственную технологическую, промышленную и кадровую базу для создания будущего атомного подводного флота.

AUKUS важен еще и потому, что он связан с передачей чувствительных военных технологий и изменением правил экспортного контроля. Для такого уровня сотрудничества обычных политических договоренностей недостаточно: США, Австралия и Великобритания должны упростить обмен оборонными разработками, технической информацией и отдельными видами вооружений. В декабре 2023 года Конгресс США не только разрешил передачу Австралии подводных лодок класса *Virginia*, но и поддержал меры, которые должны облегчить оборонный экспорт между тремя странами⁵⁸. Это касается как межгосударственных поставок по линии «Foreign Military Sales», так и прямых коммерческих продаж через «Direct Commercial Sales». Министр обороны Австралии Ричард Марлз назвал эти изменения «исторической реформой». По его словам, они должны серьезно расширить возможности трех стран в сфере сдерживания, совместных инноваций и военного взаимодействия⁵⁹. В докладе «Congressional Research Service» по «столпу 2» также отмечается, что Конгресс США принял положения, которые дают Австралии и Великобритании приоритет в процедурах «Foreign Military Sales» и «Direct Commercial Sales», а также предусматривают возможность освобождения от части экспортных лицензионных требований⁶⁰.

Если «столп 1» фокусируется на создании атомного подводного флота, то «столп 2» охватывает более широкий круг военных технологий и возможностей. Речь идет о совместной разработке так называемых *advanced capabilities*, то есть передовых военных

⁵⁷ Australian Submarine Agency. Australia's AUKUS Submarine Industry Strategy. Factsheet. Canberra: Australian Government, 2025. URL: https://www.asa.gov.au/sites/default/files/documents/2025-03/Australias-AUKUS-Submarine-Industry-Strategy-Factsheet_0.pdf (accessed: 04.03.2026).

⁵⁸ Australian Minister for Defence. Passage of priority AUKUS submarine and export control exemption legislation by the United States Congress // Defence Ministers. URL: <https://www.minister.defence.gov.au/media-releases/2023-12-15/passage-priority-aukus-submarine-export-control-exemption-legislation-united-states-congress> (accessed: 04.03.2026).

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Nicastro L. A. AUKUS Pillar 2: Background and Issues for Congress: CRS Report R47599. Washington, DC: Congressional Research Service, 2024. P. 1-2. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47599> (accessed: 04.03.2026).

возможностей⁶¹. В докладе «Congressional Research Service» выделяется восемь основных направлений «столпа 2»: подводные технологии, квантовые разработки, искусственный интеллект и автономные системы, кибервозможности, гиперзвуковые и противогиперзвуковые системы, радиоэлектронная борьба, инновации и обмен информацией⁶².

Согласно данным британской парламентской библиотеки, «столп 2» AUKUS ориентирован на разработку новых военных технологий, передачу чувствительных сведений и повышение совместимости вооруженных сил трех государств-участников⁶³.

Военное соперничество в современных условиях определяется уже не количеством боевых кораблей, самолетов или подводных лодок, а потенциалом в сферах искусственного интеллекта, автономных подводных комплексов, кибербезопасности, гиперзвуковых вооружений и радиоэлектронной борьбы – именно на этих направлениях AUKUS концентрирует усилия, стремясь укрепить военные возможности Австралии, США и Великобритании улучшить их взаимную координацию.

Доклад «Congressional Research Service» фиксирует создание «AUKUS Quantum Arrangement» – структуры, которая координирует исследования и испытания в сфере квантовых технологий, в том числе разработку альтернативных систем навигации и позиционирования на случай сбоев или ограничений GPS⁶⁴. Партнеры уже провели испытания беспилотных подводных систем и технологий защиты подводной инфраструктуры; таким образом, «столп 2» формирует конкретные возможности для потенциального применения в будущих военных операциях.

Альянс усиливает военную координацию трех стран в Индо-Тихоокеанском регионе. Официально AUKUS преподносится как механизм поддержки «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», где государства могут самостоятельно принимать решения и не находиться под внешним давлением⁶⁵. Однако за этой формулировкой стоит вполне конкретная логика. «Оптимальный путь» должен не только усилить подводные возможности трех стран, но и сделать их оборонно-промышленные цепочки более

⁶¹ Волощак В. Расширение AUKUS: возможный облик обновленного альянса // Российский совет по международным делам, 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rasshirenje-aukus-vozmozhnyy-oblik-obnovlennogo-alyansa/> (дата обращения: 12.03.2026).

⁶² Nicastro L. A. AUKUS Pillar 2: Background and Issues for Congress: CRS Report R47599. Washington, DC: Congressional Research Service, 2024. P. 1. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47599> (accessed: 12.03.2026).

⁶³ Mills C. AUKUS Pillar 2: Advanced Capabilities Programmes: Research Briefing. London: House of Commons Library, 2024. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-9842/> (accessed: 12.03.2026).

⁶⁴ Nicastro L. A. AUKUS Pillar 2: Background and Issues for Congress: CRS Report R47599. Washington, DC: Congressional Research Service, 2024. P. 6. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47599> (accessed: 12.03.2026).

⁶⁵ Главы МИД Австралии и США обсудят развитие AUKUS в ходе переговоров 28 июля // ТАСС, 2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18354789> (дата обращения: 13.03.2026).

устойчивыми. Кроме того, программа должна повысить способность Австралии, США и Великобритании сдерживать возможную агрессию в Индо-Тихоокеанском регионе. Именно поэтому AUKUS часто рассматривается через призму соперничества с Китаем. В статье Ольги Леоновой среди причин появления AUKUS прямо называются рост военной и политической мощи Китая, относительное ослабление позиций США в регионе, стремление Великобритании закрепить стратегию «Global Britain», а также желание Вашингтона опираться на надежных союзников для сдерживания КНР⁶⁶.

Майкл Кларк в своем исследовании пишет, что после присоединения к AUKUS Австралия фактически сделала свой стратегический выбор. Вместо того чтобы приспособливаться к росту влияния КНР, Канберра выбрала курс на укрепление американского присутствия и американской мощи в регионе. Там же отмечается, что AUKUS подталкивает Австралию к более активной геостратегической роли и к участию в поддержании такого баланса сил в Индо-Тихоокеанском регионе, который был бы выгоден ей и ее союзникам⁶⁷.

Отдельные споры вокруг AUKUS связаны с вопросом ядерного нераспространения. Австралия, США и Великобритания постоянно подчеркивают, что речь не идет о передаче Австралии ядерного оружия⁶⁸. Канберра отдельно делает акцент на том, что будущие австралийские подводные лодки будут *nuclear-powered*, но не *nuclear-armed*⁶⁹. То есть они будут иметь ядерную энергетическую установку, но не будут оснащаться ядерными боезарядами. Тем не менее, сам факт появления у неядерного государства атомных подводных лодок вызывает вопросы. Поэтому страны AUKUS стараются показать, что программа будет реализовываться под строгим международным контролем. В сентябре 2024 года министры обороны трех стран снова подтвердили приверженность «высочайшему стандарту ядерного нераспространения» и отметили, что продолжают работать с МАГАТЭ над системой гарантий и верификации в рамках статьи 14 соглашения Австралии о гарантиях с агентством⁷⁰.

⁶⁶ Леонова О. Г. Влияние стратегического партнерства AUKUS на геополитическую ситуацию в Индо-Тихоокеанском регионе // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 3. С. 194.

⁶⁷ Clarke M. AUKUS, the Defence Strategic Review and Australia's quest for deterrence. Sydney: Australia-China Relations Institute, University of Technology Sydney, 2023. P. 4. URL: <https://www.australiachinarelations.org/content/aukus-defence-strategic-review-and-australia%E2%80%99s-quest-deterrence> (accessed: 13.03.2026).

⁶⁸ Пламенев И. США заявили об отказе Австралии от ядерного оружия в рамках AUKUS // РБК, 2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/03/2022/623e2fc29a79470db1c6c1f2> (дата обращения: 13.03.2026).

⁶⁹ Combined Statements of Australia, the US, and the UK on AUKUS from the NPT PrepCom AUKUS Side Event, May 2025 // Australian Embassy and Permanent Mission to the United Nations, Vienna, 2025. URL: <https://australia.embassy.gov.au/vien/NPTPrepComSideEvent2025.html> (accessed: 13.03.2026).

⁷⁰ Australian Minister for Defence. AUKUS Defence Ministers' Meeting communiqué // Defence Ministers. URL: <https://www.minister.defence.gov.au/statements/2024-09-26/aukus-defence-ministers-meeting-communique> (accessed: 13.03.2026).

Эксперты отмечают опасность данного союза для режима нераспространения ядерного оружия и осуждают его за создание опасного прецедента. В работе «Fact or Fission?» Ричард Бройновски анализирует союз как одну из причин подрыва привычной осторожной антиядерной позиции Австралии, еще большего погружения её страны в сферу ядерных технологий.

Американские и британские реакторы на атомных подводных лодках работают на высокообогащенном уране – эта практика является причиной для беспокойства специалистов по проблеме нераспространения в случае возможной передачи подобной технологии Канберре. Данный факт может привести к тому, что другие страны смогут также претендовать на получение похожих технологий, ставя под угрозу стабильность системы нераспространения⁷¹.

Дипломатические последствия AUKUS вышли далеко за рамки противостояния с Китаем. Австралийско-французский кризис оказался наиболее острым эпизодом этой истории: Канберра разорвала прежний контракт с Naval Group на постройку дизель-электрических подводных лодок, а затем согласилась выплатить французской компании около 830 миллионов австралийских долларов компенсации⁷². Партнерство с Соединенными Штатами Америки и Соединенным Королевством фактически исключило франко-американское сотрудничество, став причиной очень неприятного раскола.

Сроки реализации проекта и реальные возможности оборонной промышленности остаются ключевым вопросом. Программа выглядит масштабно с политической точки зрения. Ее выполнение, однако, зависит от способности трех стран обеспечить необходимые темпы строительства и обслуживания атомных подводных лодок. Особенно это касается американских подводных лодок класса *Virginia*. Формально ВМС США закупали такие лодки по две в год, но фактические темпы производства с 2022 года были ниже. Причинами называются нехватка рабочей силы, проблемы в цепочках поставок и ограничения производственной базы⁷³. США необходимо увеличить темп строительства до двух лодок в год к 2028 году.

⁷¹ Broinowski R. Fact or Fission? The Truth about Australia's Nuclear Ambitions. Updated ed. Brunswick; London: Scribe Publications, 2022. P. 11-14.

⁷² Australian Broadcasting Corporation. Australian government agrees to pay \$835 million to French shipbuilder Naval Group after scrapping submarine contract // ABC News. URL: <https://www.abc.net.au/news/2022-06-11/albanese-submarine-deal-with-france/101145042> (accessed: 13.03.2026).

⁷³ O'Rourke R. Navy Virginia-Class Submarine Program and AUKUS Submarine (Pillar 1) Project: Background and Issues for Congress: CRS Report RL32418. Washington, DC: Congressional Research Service, 2024. P. 1, 4, 24. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/RL/RL32418> (accessed: 13.03.2026).

Это нужно сразу для нескольких задач: выполнять собственные планы ВМС США, компенсировать подводные лодки, которые будут переданы Австралии⁷⁴. Поэтому успех AUKUS зависит не только от политических договоренностей трех стран. Не менее важно, смогут ли их оборонные предприятия действительно выдержать такую нагрузку. При этом AUKUS уже начал менять оборонную и промышленную систему Австралии. В документе «Australia's AUKUS Submarine Industry Strategy 2025» программа описывается как качественный скачок для возможностей армии Австралии и как одна из самых значимых промышленных трансформаций в истории страны. В нем подчеркивается, что Австралии нужно создать собственную промышленную базу, которая сможет строить, обслуживать и поддерживать атомные подводные лодки, а также работать в связке с британскими и американскими цепочками поставок⁷⁵.

История военно-политических альянсов Австралии демонстрирует, как менялись внешнеполитические интересы Канберры в области обеспечения безопасности. Изначально Австралия полагалась на защиту Великобритании, однако после Второй мировой войны центральное место в ее оборонной политике занял договор ANZUS. Позднее сформировалась многоуровневая архитектура безопасности, включающая SEATO, FPDA, Five Eyes, Quad и AUKUS. Страна последовательно стремилась и продолжает стремиться компенсировать ограниченность собственных ресурсов через союзы с более могущественными державами, параллельно наращивая собственный оборонный потенциал.

1.1.2. Роль США в обеспечении безопасности Австралии

Соединенные Штаты сохраняют статус ключевого союзника Австралии в рамках ANZUS и выступают главным внешним гарантом ее безопасности начиная с середины XX века. Австралийское внешнеполитическое ведомство характеризует США как «жизненно важного партнера в сфере безопасности» и одного из ближайших глобальных партнеров страны, подчеркивая, что по прошествии более семидесяти лет с момента подписания договора ANZUS союз по-прежнему остается «стержнем двусторонних отношений»⁷⁶.

⁷⁴ Report to Congress on Navy Virginia-Class Submarine Program and AUKUS Submarine // USNI News, 2025. URL: <https://news.usni.org/2025/03/21/report-to-congress-on-navy-virginia-class-submarine-program-and-aukus-submarine-2> (accessed: 13.03.2026).

⁷⁵ Australian Submarine Agency. Australia's AUKUS Submarine Industry Strategy. Canberra: Australian Government, 2025. P. 19. URL: <https://www.asa.gov.au/sites/default/files/documents/2025-03/Australias-AUKUS-Submarine-Industry-Strategy.pdf> (accessed: 13.03.2026).

⁷⁶ Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. United States of America country brief. URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/united-states-of-america/united-states-of-america-country-brief> (accessed: 15.03.2026).

Вашингтон, впрочем, занял место Лондона в качестве главного внешнего гаранта австралийской безопасности далеко не сразу: этот переход растянулся на годы. Это был длительный процесс, который обуславливался деградацией британских возможностей и резким усилением американской мощи в Тихом океане, особенно после окончания Второй мировой войны. В работе «Australia's American Alliance» сказано, что, когда Роберт Мензис говорил о «великих и могущественных друзьях», он имел в виду сразу и Великобританию, и США, но к концу его срока на посту премьер-министра Австралии Великобритания уже практически покинула Азию, международные организации оказались неэффективными, а Австралия почти полностью доверила себя США в плане безопасности⁷⁷.

На военном уровне США предоставляют Австралии возможности, которые она, будучи средней державой, сама себе не смогла бы обеспечить. Речь идет о совместном планировании, доступе к американским системам вооружений, участии в масштабных учениях, а также взаимодействии в сфере логистики, авиации, морских операций, противолодочной борьбе и так далее. В Белой книге по обороне за 2016 год прямо говорится: «Австралия и Соединенные Штаты действовали плечом к плечу во всех крупных войнах со времен Первой мировой войны, а в последние годы – совместно участвовали в операциях в Ираке и Афганистане, обеспечении безопасности судоходства и реагировании на стихийные бедствия»⁷⁸.

Институциональным фундаментом, если можно так выразиться, регулярного взаимодействия между Канберрой и Вашингтоном служит AUSMIN – ежегодные австралийско-американские консультации на уровне двух правительств. МИД Австралии определяет AUSMIN как «главный форум двусторонних консультаций между Австралией и США». В консультациях традиционно участвуют министры иностранных дел и обороны Австралии, государственный секретарь США, министр войны США и старшие должностные лица обеих государств⁷⁹.

В сфере разведки США являются для Австралии надежным партнером в рамках Five Eyes. Австралия имеет доступ к американским разведданным, что существенно расширяет ее возможности в области стратегического анализа. В исследованиях, посвященных австралийско-американскому союзу, разведывательное взаимодействие нередко рассматривается как один из наиболее ценных и устойчивых компонентов альянса⁸⁰.

⁷⁷ Dean P.J., Frühling S., Taylor B., eds. Australia's American Alliance: Towards a New Era? Melbourne: Melbourne University Press, 2016. P. 84.

⁷⁸ Commonwealth of Australia. 2016 Defence White Paper. Canberra, 2016. P. 123-124.

⁷⁹ Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. AUSMIN – Australia-United States Ministerial Consultations. URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/united-states-of-america/ausmin/ausmin-australia-united-states-ministerial-consultations> (accessed: 15.03.2026).

⁸⁰ Dean P.J., Frühling S., Taylor B., eds. Australia's American Alliance: Towards a New Era? Melbourne: Melbourne University Press, 2016. P. 173-174.

Особое место тут занимает совместная австралийско-американская разведывательная инфраструктура или же так называемый объект Pine Gap в 18 км к юго-западу от австралийского города Алис-Спрингс. Pine Gap представляет из себя совместную австралийско-американскую базу спутниковой связи и радиотехнической разведки. Значительная часть сведений о данном объекте засекречена. Эксперты рассматривают его как ключевой элемент американской глобальной системы разведки. Для Австралии же это один из реальных символов тесного союза с США⁸¹.

США также являются для Австралии своего рода государством, которое обеспечивает стратегическое сдерживание в регионе. Если в эпоху Холодной войны сдерживание работало преимущественно против СССР и распространения коммунизма в Азии, то в XXI веке речь, безусловно, идет о сдерживании восходящего Китая. Владимир Щербунов отмечает, что в 2016-2021 гг., несмотря на экономическую зависимость Австралии от Китая и неопределенность, вызванную политикой администрации Дональда Трампа, военно-политические отношения между Австралией и США развивались и усиливались в антикитайском русле⁸².

В XXI веке значение США в обеспечении австралийской безопасности проявилось особенно ярко именно в Индо-Тихоокеанском регионе. США рассматривают Австралию как одного из самых надежных партнеров, тогда как сама Австралия через союз с США укрепляет свой военный потенциал, получает доступ к передовым технологиям и помогает сохранять баланс сил в регионе⁸³. В коллективной монографии «The Future of the United States-Australia Alliance» авторы подчеркивают, что союз с США важен не только для оборонного планирования самой Австралии, но и для всей архитектуры союзов США в Индо-Тихоокеанском регионе⁸⁴.

При этом можно отметить, что союз с Вашингтоном имеет для Канберры двойственное значение. С одной стороны, союз с США расширяет оборонные возможности Австралии и усиливает ее роль в регионе. С другой стороны, такой союз повышает риск вовлечения государства в конфликты, которые не всегда могут отвечать национальным интересам Австралии. Эта ярко двойственность проявилась во время уже упомянутой войны во Вьетнаме, операций в Ираке и Афганистане. На современном этапе, конечно, это проявляется в вопросах взаимоотношений в треугольнике Вашингтон-Пекин-Тайбэй.

⁸¹ Nautilus Institute. Pine Gap – an introduction. URL: <https://nautilus.org/publications/books/australian-forces-abroad/defence-facilities/pine-gap/pine-gap-intro/> (accessed: 15.03.2026).

⁸² Щербунов В.О. Военно-политические отношения Австралии и США в условиях роста влияния Китая в АТР // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 4. С. 32-46.

⁸³ Dean P.J., Frühling S., Taylor B. (eds.). *After American Primacy: Imagining the Future of Australia's Defence*. Melbourne: Melbourne University Press, 2019. P. 64-65.

⁸⁴ McDonald S.D., Tan A.T.H., eds. *The Future of the United States-Australia Alliance: Evolving Security Strategy in the Indo-Pacific*. London; New York: Routledge, 2021. P. 3.

Напряжение между США и Китаем растет. В этом контексте передача Австралии атомных подлодок может не просто укрепить ее оборону, но и сделать Австралию одной из опор американской стратегии сдерживания Китая.

Наиболее показательным воплощением новой роли США в обеспечении безопасности Австралии стал альянс AUKUS. Первый компонент AUKUS дает Австралии доступ к атомным подводным лодкам с обычным оружием. Второй компонент к передовым технологиям в киберсфере, ИИ, квантовым технологиям и гиперзвуковым вооружениями. МИД Австралии указывает, что AUKUS основывается на исторических двусторонних отношениях и ориентирован на обмен знаниями, технологиями и разработку инновационных решений в оборонной сфере⁸⁵. С военно-практической точки зрения AUKUS не только усиливает оборонный потенциал Австралии, но и укрепляет ее инфраструктурную функцию для США (непотопляемый авианосец).

Таким образом, можно сказать, что США обеспечивают безопасность Австралии через обширную систему военных, разведывательных, технологических связей. Союз с Вашингтоном открывает перед Австралией доступ к ресурсам, которые укрепляют ее региональное положение, но в то же время такой союз «вгоняет» страну в определенную зависимость и сужает пространство для стратегической самостоятельности Канберры. Именно поэтому современная австралийская политика в сфере безопасности строится не на выборе между союзом и автономией, а на попытке совместить американские гарантии безопасности с развитием собственных оборонных возможностей.

1.2. Формирование оборонной стратегии Австралии в XXI веке

В XXI веке эволюция оборонной доктрины Австралии постепенно менялась. Произошел постепенный сдвиг от универсальной концепции «сбалансированных сил» к доктрине сдерживания с акцентом на Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), защите морских линий коммуникаций, развитию высокоточного вооружения и более тесной кооперации с союзниками. Если в конце XX века оборонная политика Австралии еще во многом опиралась на наследие концепции *Defence of Australia Policy*, она же «доктрина Дибба», с акцентом на самостоятельную защиту континента, то в уже XXI веке на первый план стали выходить совершенно новые факторы и угрозы, такие как: транснациональные угрозы, необходимость проведения операций за пределами собственного региона, рост могущества Китая, военно-технологическая модернизация в Азии и усиление американо-китайского

⁸⁵ Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. United States of America country brief. URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/united-states-of-america/united-states-of-america-country-brief> (accessed: 15.03.2026).

соперничества. Адам Локьер справедливо отмечает, что для Австралии начало XXI века стало временем «стратегической неопределенности», когда экономический и военный центр тяжести смещался в Азию, а прежнее безусловное американское доминирование в регионе стало менее очевидным⁸⁶.

Одним из первых стратегических документов XXI века стала «White Paper Defence 2000: Our Future Defence Force». В ней Австралия сформулировала пять ключевых стратегических целей:

1. Защита самой Австралии и ее непосредственного окружения;
2. Безопасность соседних государств и прилегающих регионов;
3. Стабильности Юго-Восточной Азии;
4. Поддержание стратегического баланса в более широком Азиатско-Тихоокеанском регионе;
5. Участие в обеспечении международной безопасности⁸⁷.

С военной точки зрения документ сохранял принцип опоры на собственные силы. Приоритетной целью армии Австралии называлась защита страны без опоры на военных других стран. Под опорой на собственные силы подразумевалась оборона воздушных и морских подступов к континенту и способность купировать угрозу еще дальних рубежах, до приближения к австралийскому побережью⁸⁸.

После терактов 11 сентября 2001 года в австралийская оборонная политика стала заметно включать в себя возможность проведения операций зарубежом. Участие в операциях в Афганистане и Ираке продемонстрировало, что безопасность Австралии теперь связана не только с защитой самого континента, но и с противодействием глобальным угрозам от терроризма, распространения оружия массового поражения и союзническими обязательствами перед США. В работе «The Other Special Relationship: The United States and Australia at the Start of the 21st Century» говорится: «Документы 2003 и 2005 гг. пытались совместить старую логику *Defence of Australia* с новой реальностью глобализированной безопасности»⁸⁹.

Белая книга «Defending Australia in the Asia Pacific Century: Force 2030» стала важным шагом к формированию к более «морского» и технологичного облика обеспечения

⁸⁶ Lockyer A. Australia's Defence Strategy: Evaluating Alternatives for a Contested Asia. Melbourne: Melbourne University Press, 2017. P. 13-14.

⁸⁷ Commonwealth of Australia. Defence 2000: Our Future Defence Force. Canberra, 2000. P. 10.

⁸⁸ Op.cit. P. 11.

⁸⁹ Tow W., Albinski H., Watanabe S. eds. The Other Special Relationship: The United States and Australia at the Start of the 21st Century. Carlisle: Strategic Studies Institute, 2007. P. 261-262.

обороны страны. В документе определялась основная функция армии Австралии, которая заключалась в сдерживании и отражении потенциальных вооруженных атак на Австралию за счет собственных военных возможностей, без привлечения союзников. В этом контексте особая роль отводилась австралийским ВВС и флоту, которые должны обеспечивать контроль воздушного и морского пространств страны, охрану жизненно важных морских путей и линий коммуникации, а также безопасность населения и критически важной инфраструктуры⁹⁰. В этой же Белой книге отмечалось, что «стратегическая обстановка вокруг Австралии после Второй мировой войны складывалась под влиянием глобального распределения сил и прежде всего стратегического превосходства Соединенных Штатов Америки», однако, как подчеркивалось в документе, это распределение сил должно было в последующие десятилетия меняться вследствие усиления новых центров силы⁹¹.

Практическим итогом Белой книги 2009 года стало повышенное внимание и приоритет к военно-морскому компоненту, подводным силам, противолодочной обороне, возможности нанести стратегический удар первым, кибероперациям и разведке⁹². В сущности, это отражало переход Австралии от преимущественно территориальной обороны континента к подходу, где ключевым является способность нанести дальний, высокоточный и технологически обеспеченный военный удар в морской среде.

Белая книга «Defence White Paper 2013» закрепила переход от термина «Азиатско-Тихоокеанский регион» к более широкому понятию «Индо-Тихоокеанский регион». В документе отмечалось, что «с 2009 года оборонное планирование Австралии стало определяться экономическим, стратегическим и военным сдвигом в сторону Индо-Тихоокеанского региона, выводом австралийских сил из Афганистана, Восточного Тимора и Соломоновых островов, американским «поворотом» к Азии и влиянием глобального финансового кризиса на финансирование оборонного бюджета»⁹³. В этом отношении 2013 год можно рассматривать как рубеж, когда Австралия начала осмысливать свою безопасность не только через призму «северных подступов» и Юго-Восточной Азии, но и в рамках более широкого индо-тихоокеанского стратегического пространства.

Белая книга «Defence White Paper 2016» стремилась объединить стратегические цели, военные возможности и имеющиеся ресурсы в единую долгосрочную систему. Документ исходил из того, что в ближайшие два десятилетия Австралия будет вынуждена действовать в более сложной и неопределенной международной обстановке, и именно потому страна должна усиливать собственный оборонный потенциал, укреплять

⁹⁰ Commonwealth of Australia. *Defending Australia in the Asia Pacific Century: Force 2030*. Canberra, 2009. P. 13.

⁹¹ *Op.cit.* P. 30.

⁹² *Op.cit.* P. 63.

⁹³ Commonwealth of Australia. *Defence White Paper 2013*. Canberra, 2013. P. 7.

партнерства с другими странами и развивать оборонную промышленность⁹⁴. В документе также ставилась задача довести оборонные расходы до 2 % от ВВП к 2020-2021 гг. и предусматривалась масштабная модернизация Вооруженных сил, в том числе самый амбициозный с момента Второй мировой войны план обновления Королевского военно-морского флота Австралии⁹⁵.

По своему содержанию «Белая книга» 2016 года сохраняла трехуровневое понимание оборонных интересов Австралии. Первый уровень был связан с безопасностью самой Австралии и ее северных подступов. Второй с безопасностью в ближайшем регионе, прежде всего Юго-Восточной Азии и южной части Тихого океана. Третий со стабильностью Индо-Тихоокеанского региона и поддержанием так называемого «международного порядка, основанного на правилах»⁹⁶. Адам Локьер называет эту модель переходной: она еще опиралась на наследие концепции *Defence of Australia*, но уже признавалась необходимость одновременного решения задач континентальной обороны, обеспечения региональной безопасности и поддержки глобального порядка⁹⁷.

Однако ситуация резко изменилась после публикации «2020 Defence Strategic Update». В документе прямо говорилось, что стратегическая обстановка ухудшается быстрее, чем это планировалось в Белой книге 2016 года, Индо-Тихоокеанский регион был назван центром крупнейшей «стратегической перестройки» со времен Второй мировой войны, а новыми вызовами названы необходимость военной модернизации, технологические изменения и растущий риск межгосударственных конфликтов⁹⁸. Впервые именно в этом документе на уровне официальной стратегии была закреплена триада *shape–deter–respond*: формирование благоприятной стратегической среды, сдерживание угроз австралийским интересам и готовность отвечать на них с применением военной силы⁹⁹.

Документ 2020 года принципиально пересмотрел подход к предупреждению конфликта. Если ранее при оборонном планировании исходили из предположения, что перед крупным конфликтом у страны будет около десяти лет на подготовку, то теперь этот подход был признан несостоятельным. Развитие дальнобойных систем, кибер- и космических возможностей сокращает время предупреждения, тогда как действия в «серой зоне» могут начинаться практически без предварительного оповещения и оставаться ниже порога открытого вооруженного конфликта¹⁰⁰. В документе также говорилось о том, что

⁹⁴ Commonwealth of Australia. Defence White Paper 2016. Canberra, 2016.

⁹⁵ Op.cit. P. 24.

⁹⁶ Op.cit. P. 68-70.

⁹⁷ Lockyer A. Australia's Defence Strategy. Melbourne: Melbourne University Press, 2017. P. 16-17, 19-21.

⁹⁸ Commonwealth of Australia. Defence Strategic Update. Canberra, 2020. P. 3, 5-7.

⁹⁹ Op.cit. P. 4.

¹⁰⁰ Op.cit. P. 14.

«конкуренция между великими державами обострилась», а риск высокоинтенсивного конфликта в Индо-Тихоокеанском регионе, хоть и «остается низким», стал «менее гипотетическим, чем прежде»¹⁰¹.

Отдельное место в новой доктрине заняли угрозы «серой зоны». В 2020 году австралийское правительство характеризовало их как комбинацию военных и невоенных инструментов давления, направленных на достижение стратегических целей без риска открытого вооруженного конфликта. Среди таких угроз назывались милитаризация Южно-Китайского моря, иностранное вмешательство, дезинформация и экономическое принуждение¹⁰². Аналогичную позицию занимают аналитики Фонда Конрада Аденауэра, определяющие «серый конфликт» в австралийском контексте как принудительную деятельность, осуществляемую ниже порога обычной войны¹⁰³.

Следующим важным документом стал «Defence Strategic Review 2023», в котором было решено уйти от концепции «сбалансированных сил» как недостаточно эффективной в новых стратегических условиях. Вместо этого был взят курс на формирование интегрированных вооруженных сил. В документе отмечалось, что существующая структура армии Австралии устарела и не отвечает новой реальности: австралийские силы должны быть способны действовать согласованно во всех пяти средах: на море, на суше, в воздухе, в космосе и в киберпространстве¹⁰⁴. Центральным элементом новой стратегии стала «стратегия отрицания». Она представляет из себя оборонительный подход, цель которого состоит в том, чтобы не дать потенциальному противнику использовать силу или угрозу силой для давления на Австралию и достижения военного доминирования¹⁰⁵.

В рамках стратегии сдерживания приоритет был отдан развитию потенциала A2/AD¹⁰⁶, подводным силам, системам ПВО и ПРО, кибер- и космическим силам, а также укреплению сети баз на севере Австралии¹⁰⁷. Аналитики CSIS*¹⁰⁸ характеризуют этот сдвиг как практическое воплощение стратегии сдерживания через «отрицание», то есть через создание у противника уверенности в том, что он не сможет достичь своих целей военным

¹⁰¹ Op.cit. P. 5.

¹⁰² Op.cit. P. 5, 14.

¹⁰³ Australia's 2020 Defence Strategic Update // Konrad Adenauer Stiftung. URL: <https://www.kas.de/en/web/australien/single-title/-/content/snapshott-10-07> (accessed: 15.03.2026).

¹⁰⁴ Commonwealth of Australia. National Defence: Defence Strategic Review. Canberra, 2023. P. 19.

¹⁰⁵ Op.cit. P. 49.

¹⁰⁶ A2/AD (Anti-Access / Area Denial) – означает развитие таких военных возможностей, которые должны не позволить потенциальному противнику свободно приблизиться к Австралии, действовать у ее северных подступов или контролировать важные морские районы.

¹⁰⁷ Commonwealth of Australia. National Defence: Defence Strategic Review. Canberra, 2023. P. 53-69

¹⁰⁸ *(CSIS) был добавлен в перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории России.

путем¹⁰⁹. Lowy Institute также отмечает, что «Defence Strategic Review 2023» закрепляет «стратегию отрицания» в качестве основной рамки будущей оборонной политики Австралии. Однако одновременно ставился вопрос о том, в какой мере выбранные приоритеты развития вооруженных сил действительно способны обеспечить реализацию этой стратегии¹¹⁰.

Официально этот поворот был закреплён в «National Defence Strategy 2024». В правительственном сообщении о публикации документа говорилось, что «Австралия сталкивается с наиболее сложной стратегической обстановкой со времен Второй мировой войны». В ответ на это концепция National Defence Strategy 2024» предполагает переход к общегосударственному и общенациональному подходу, при котором оборона рассматривается не только как функция армии, но и как задача всего государства и общества¹¹¹. Стратегия отрицания стала «фундаментом» оборонной политики, а армия Австралии должна была перейти к концепции интегрированных и специализированных сил, способных защищать Австралию и ее ближайшее окружение, сдерживать угрозы на северных направлениях, обеспечивать защиту экономических интересов страны и вместе с союзниками поддерживать коллективную безопасность в Индо-Тихоокеанском регионе.

Обновление 2026 года закрепило продолжение ранее обозначенного курса. В «National Defence Strategy and Integrated Investment Program (2026)» делается акцент на дальнейшем повышении самообеспеченности Австралии, укреплении ее суверенной оборонно-промышленной базы и расширении взаимодействия с региональными партнерами. Также было анонсировано, что оборонные расходы должны вырасти до 3 % от ВВП к 2033 году¹¹². В инвестиционном плане 2026 года приоритетными направлениями названы подводная война, развитие атомных подводных лодок с обычным вооружением, усиление морских возможностей, возможность нанесения дальнобойного удара, системы ПВО/ПРО, автономные и беспилотные системы, средства противодействия БПЛА и защищенная спутниковая связь¹¹³.

¹⁰⁹ Unpacking Australia's 2023 Defence Strategic Review // Center for Strategic and International Studies. URL: <https://www.csis.org/blogs/new-perspectives-asia/unpacking-australias-2023-defence-strategic-review> (accessed: 15.03.2026).

¹¹⁰ Roggeveen S. Defence Strategic Review: Strong chords, with one jarring note // The Interpreter, Lowy Institute. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/defence-strategic-review-strong-chords-one-jarring-note> (accessed: 15.03.2026).

¹¹¹ Australian Government, Department of Defence. 2024 National Defence Strategy. Canberra, 2024. URL: <https://www.minister.defence.gov.au/media-releases/2024-04-17/2024-national-defence-strategy> (accessed: 15.03.2026).

¹¹² Australian Government, Defence Ministers. 2026 National Defence Strategy and Integrated Investment Program. Canberra, 2026. URL: <https://www.minister.defence.gov.au/media-releases/2026-04-16/2026-national-defence-strategy-integrated-investment-program> (accessed: 15.03.2026).

¹¹³ Ibid.

На формирование оборонной стратегии Австралии в XXI веке оказали влияние как глобальные, так и региональные вызовы. К числу глобальных отнесены международный терроризм, распространение ОМП, киберугрозы, пандемии, уязвимость цепочек поставок и существующего мирового порядка. В 2020 году в «Defence Strategic Update» прямо говорилось, что пандемия COVID-19 повысила ценность устойчивых цепочек поставок и суверенных производственных мощностей в оборонном секторе¹¹⁴.

Однако ключевым региональным фактором стала смена баланса сил в Индо-Тихоокеанском регионе. В официальных австралийских документах все чаще стали рассматривать собственное оборонное планирование через призму американо-китайского противостояния, модернизации Народно-освободительной армии Китая, милитаризации Южно-Китайского моря, рисками вокруг Тайваня, ростом ракетных возможностей в регионе и усилением политико-экономического давления на малые и средние государства.

С точки зрения экспертов ASPI, риски, исходящие от Китая для Австралии, связаны не столько с перевооружением НОАК, сколько с более активным использованием Пекином инструментов «серой зоны», политического давления, экономического принуждения и расширением китайского присутствия в районах прямого австралийского интереса, включая южную часть Тихого океана¹¹⁵. При стратегическом планировании военные и политики в Австралии уже не так сильно фокусируются на подготовке к возможной большой войне. Все более растущее значение приобретают устойчивость страны, защита критической инфраструктуры, информационная безопасность, развитие оборонной промышленности и сотрудничество с островными государствами Океании.

AUKUS стал наиболее наглядным примером нового этапа оборонного планирования Австралии. В то же время AUKUS обострил дискуссию о пределах самостоятельности Австралии в сфере безопасности. Российский исследователь Владимир Ладанов видит в AUKUS не только возможность для Австралии модернизировать подводный флот, но вовлечение Австралии в американскую военную архитектуру в Индо-Тихоокеанском регионе. Получается, что AUKUS как укрепляет гарантии со стороны США, так и одновременно повышает риск того, что Австралия может быть втянута в возможный конфликт между США и Китаем. Похожие опасения звучат и внутри австралийского экспертного сообщества. Пол Китинг, Хью Уайт и другие эксперты считают, что атомные

¹¹⁴ Commonwealth of Australia. 2020 Defence Strategic Update. Canberra, 2020. P. 16.

¹¹⁵ Davis M. Strategic review must drop business-as-usual approach to Australia's defence // The Strategist, Australian Strategic Policy Institute. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/strategic-review-must-drop-business-as-usual-approach-to-australias-defence/> (accessed: 20.03.2026).

подводные лодки усиливают сдерживающий потенциал страны, но вместе с тем делают ее более зависимой от американского стратегического планирования¹¹⁶.

В XXI столетии оборонная стратегия Австралии постепенно эволюционировала. После терактов 11 сентября она получила глобальное измерение. В 2009-2016 гг. Австралия сфокусировалась на модернизации ВМФ и переосмыслении своего места в Индо-Тихоокеанском регионе. После 2020 года на первый план вышли сдерживание через «отрицание», защита цепочек поставок и интеграция морского, воздушного, сухопутного, кибер- и космического компонентов в единое целое. Главный итог этой эволюции состоит не в отказе от доктрины *Defence of Australia*, а скорее в ее расширении. Защита Австралии теперь понимается не как «пассивная» оборона континента, а как способность уверенно действовать и купировать угрозу на дальних подступах, сдерживать потенциального противника, опираться на союзников и одновременно развивать собственную военную, технологическую и промышленную независимость.

1.3. Первые шаги к стратегической автономии

1.3.1. Рост военных расходов

Переход Австралии к элементам стратегической автономии не означает отказ от союза с США или стремление к нейтралитету. В австралийском контексте речь идет скорее о *self-reliance* – способности самостоятельно обеспечивать защиту ключевых национальных интересов, сохраняя при этом союзнические отношения с США в качестве центрального стержня системы безопасности. Еще «Доклад Дибба» 1986 года стал идейной базой такого подхода, когда впервые в оборонной стратегии Австралии на первый план ставились австралийские интересы, а не интересы ее ключевых союзников¹¹⁷.

На современном этапе идея автономии набрала силу по двум причинам. Прежняя уверенность в безусловном военном превосходстве США в Индо-Тихоокеанском регионе постепенно ослабевала, а военный потенциал Китая, напротив, быстро рос. Адам Локьер отмечает, что «экономическая и военная сила с 1990-х гг. смещались в Азию, а неоспоримое первенство США в регионе стало менее очевидным»; в результате Австралия вошла в

¹¹⁶ Ladanov V. AUKUS and Australia's Defence Strategy / ed. E. Karnaukhova, L. Tsukanov. Moscow: PIR Center, 2023. P. 4-15.

¹¹⁷ Тимошенко В.Н. «Доклад Дибба» и политика Австралии в области национальной обороны в 80-е годы XX века // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 3. С. 284-287.

период стратегической неопределенности, хотя прямой военной угрозы континенту не существовало¹¹⁸.

Одним из первых реальных показателей курса на большую самостоятельность стал устойчивый рост оборонных расходов. В Белой книге по обороне 2016 года правительство заявило о планах довести оборонный бюджет до 2 % от ВВП к 2020-2021 гг. и заложить около 195 млрд австралийских долларов в ВПК на ближайшие 10 лет¹¹⁹. Этот документ был важен не только объемом финансирования. Он впервые объединил стратегию, планы закупок и развитие оборонной промышленности в единую долгосрочную программу модернизации.

Однако уже в 2010-е гг. австралийские аналитики отмечали, что сам по себе целевой показатель в 2 % от ВВП не гарантирует стратегической автономии, если он не подкреплён четкими задачами и реальными возможностями армии Австралии. Подчеркивалось, что амбиции, заявленные в оборонных Белых книгах 2009 и 2013 гг. не соответствовали ожидаемым уровням финансирования, а привязка к заранее заданной цифре в 2 % от ВВП могла подменять более важный вопрос – какие именно цели должна преследовать оборонная политика Австралии¹²⁰.

После выпуска «Defence Strategic Update 2020» подход к финансированию обороны изменился. Правительство выделило \$270 млрд австралийских на десять лет для выполнения *Force Structure Plan 2020*. В 2024 году параметры финансирования были скорректированы. Новый «Integrated Investment Program» получил 330 млрд австралийских долларов на период до 2033-2034 гг., что описывалось как значительное повышение относительно программы 2020 года¹²¹.

В федеральном бюджете 2024-2025 гг. был закреплён дальнейший рост. Объем расходов был увеличен до 764,6 млрд австралийских долларов, а ежегодный оборонный бюджет должен вырасти с 53 млрд австралийских долларов до 100 млрд к 2033-2034 гг.¹²².

¹¹⁸ Lockyer A. Australia's Defence Strategy: Evaluating Alternatives for a Contested Asia. Melbourne: Melbourne University Press, 2017. P. 13.

¹¹⁹ Australian Government. 2016 Defence White Paper. Canberra, 2016. P. 9.

¹²⁰ Dean P.J., Frühling S., Taylor B. eds. Australia's Defence: Towards a New Era? Melbourne: Melbourne University Press, 2014. P. 290-293.

¹²¹ Australian Government. 2024 Integrated Investment Program. Defence Ministers, 17 Apr. 2024. URL: <https://www.minister.defence.gov.au/media-releases/2024-04-17/2024-integrated-investment-program> (accessed: 20.03.2026).

¹²² Australian Government. A generational investment in Australia's Defence. Defence Ministers, 14 May 2024. URL: <https://www.minister.defence.gov.au/media-releases/2024-05-14/generational-investment-australias-defence> (accessed: 20.03.2026).

Кроме того, правительство заявило о дополнительных ассигнованиях в размере 5,7 млрд австралийских долларов на ближайшие четыре года и 50,3 млрд на десятилетний период¹²³.

При этом Парламентская библиотека Австралии отмечала, что в 2024-2025 гг. оборонный портфель, включая *Australian Signals Directorate* и *Australian Submarine Agency* составил 55,7 млрд австралийских долларов, а к 2033-2034 гг. эта сумма должна достичь почти 100 млрд¹²⁴. Аналитики указывали, что значительная часть прироста приходится на более поздний период, поэтому в краткосрочной перспективе рост расходов выглядит скорее постепенным, чем резким¹²⁵.

Осторожную оценку дают и эксперты ASPI. Они приветствовали выделение дополнительных 5,7 млрд австралийских долларов на ближайшие четыре года, но отметили, что финансирование концентрируется главным образом на трех направлениях: подводных лодках AUKUS, надводном флоте, а также системах дальнего удара/целеуказания и автономных платформах. При этом две трети дополнительных средств должны поступить лишь к 2027-2028 гг.¹²⁶. Поэтому можно сказать, что финансовая основа стратегической автономии уже заложена, однако ее реальный эффект будет зависеть от скорости закупок, готовности оборонной промышленности и способности государства реализовывать крупные оборонные проекты.

В 2026 году курс на увеличение оборонных расходов продолжился. В рамках новой «National Defence Strategy и Integrated Investment Program» правительство Австралии заявило о дополнительных ассигнованиях в размере 14 млрд австралийских долларов на ближайшие четыре года и 53 млрд в десяти лет. Согласно официальной формулировке, это должно привести к росту оборонных расходов до 3 % от ВВП к 2033 году. Сам «Integrated Investment Program 2026» предусматривает 425 млрд австралийских долларов для быстрого создания интегрированных и более автономных сил обороны¹²⁷.

Таким образом, увеличение военных расходов Австралии стало не только ответом на обострение стратегической обстановки, но и способом укрепить собственную оборонную

¹²³ Australian Government. 2024 Integrated Investment Program. Defence Ministers, 17 Apr. 2024. URL: <https://www.minister.defence.gov.au/media-releases/2024-04-17/2024-integrated-investment-program> (accessed: 20.03.2026).

¹²⁴ Parliament of Australia. Defence changes course to implement national defence strategy. Budget Review 2024-25. URL: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_departments/Parliamentary_Library/Research/Budget_Review/2024-25/Defence (accessed: 20.03.2026).

¹²⁵ Parliament of Australia. Rising global defence expenditure. 2025. URL: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_departments/Parliamentary_Library/Research/FlagPost/2025/June/Rising_global_defence_expenditure (accessed: 20.03.2026).

¹²⁶ ASPI. The Cost of Defence: ASPI Defence Budget Brief 2024-2025. Canberra, 2024. URL: <https://www.aspi.org.au/report/cost-defence-aspi-defence-budget-brief-2024-2025/> (accessed: 20.03.2026).

¹²⁷ Australian Government. 2026 National Defence Strategy and Integrated Investment Program. Defence Ministers, 16 Apr. 2026. URL: <https://www.minister.defence.gov.au/media-releases/2026-04-16/2026-national-defence-strategy-integrated-investment-program> (accessed: 20.03.2026).

самостоятельность. Вместе с тем эта самостоятельность остается ограниченной и обходиться бюджету Австралии очень дорого. Значительная часть средств связана с проектами, которые реализуются через союзнические механизмы, прежде всего AUKUS и технологическое сотрудничество с США и Великобританией.

1.3.2. Программы по модернизации оборонного потенциала

Модернизация оборонного потенциала Австралии ведется по нескольким ключевым направлениям: обновление флота, развитие подводных сил, дальнобойных ударных средств, систем ПВО и ПРО, кибер- и космических возможностей, беспилотных систем, а также укрепление национальной оборонной промышленности. Уже Белая книга 2016 года ставила задачу сохранить технологическое превосходство армии Австралии и подготовить вооруженные силы к более сложным и высокотехнологичным конфликтам будущего¹²⁸.

Особое место в этой модернизации заняло обновление военно-морских сил. В той же Белой книге 2016 года программа развития Королевского военно-морского флота описывалась как крупнейшая со времен Второй мировой войны и увязывалась с созданием прочной национальной судостроительной базы. В 2024 году правительство выделило дополнительные 11,1 млрд австралийских долларов на десять лет для модернизации надводного военного флота. Целью этих решений стало формирование более крупного и более «летального» флота, способного отвечать новым вызовам¹²⁹.

Одним из важнейших проектов модернизации стал AUKUS. Его первый компонент предусматривает создание для Австралии флота атомных подводных лодок с неядерным вооружением, тогда как второй ориентирован на развитие передовых оборонных технологий и повышение оперативной совместимости вооруженных сил Австралии, США и Великобритании. В рамках первого компонента AUKUS правительство Австралии планирует направить 53-63 млрд австралийских долларов в 2024-2034 гг. на реализацию подводного компонента AUKUS¹³⁰.

Как уже упоминалось, «оптимальная траектория» AUKUS включает три фазы: подготовку кадров и формирование Submarine Rotational Force-West, приобретение трех американских подводных лодок типа *Virginia* с начала 2030-х годов и дальнейшее строительство *SSN-AUKUS* по британскому проекту на технологиях трех стран¹³¹.

¹²⁸ Australian Government. 2016 Defence White Paper. Canberra, 2016.

¹²⁹ Australian Government. 2024 Integrated Investment Program. Defence Ministers, 17 Apr. 2024. URL: <https://www.minister.defence.gov.au/media-releases/2024-04-17/2024-integrated-investment-program> (accessed: 20.03.2026).

¹³⁰ Ibid.

¹³¹ Ibid.

Еще одним направлением модернизации оборонного потенциала стало развитие дальнобойных ударных систем. В августе 2023 года Австралия объявила о том, что вложит более 1,7 млрд австралийских долларов в современные ракетные системы, включая дальнобойные системы и управляемые высокоточные боеприпасы¹³². Кроме того, правительство отдельно заявило о выделении 1,6 млрд австралийских долларов на ускоренное приобретение систем HIMARS, что должно было увеличить их парк до 42 пусковых установок¹³³.

В «Integrated Investment Program» 2024 года на развитие дальнобойных ударных систем и средств целеуказания 28-35 млрд австралийских долларов на десятилетний период¹³⁴. Это отражает переход от прежней модели, сосредоточенной главным образом на обороне ближних подступов, к подходу, при котором Австралия получает возможность поражать силы противника на значительно больших дистанциях.

Третьим направлением является собственное производство управляемого вооружения и боеприпасов. Программа *Guided Weapons and Explosive Ordnance Enterprise*, по задумке должна укрепить суверенные оборонные возможности Австралии за счет увеличения запасов ракет и боеприпасов, размещения части производства внутри страны и более тесной интеграции австралийской промышленности в союзнические цепочки поставок¹³⁵. В октябре 2024 года общественности был представлен *Australian Guided Weapons and Explosive Ordnance Plan*, в котором излагались цели, ресурсы и принципы развития этого направления в рамках «National Defence Strategy и Integrated Investment Program»¹³⁶.

Четвертым направлением стало развитие оборонной промышленности, поскольку именно оборонная промышленность рассматривается как одно из условий обеспечения реального оборонного суверенитета. Стратегия развития ВПК 2024 года выделила суверенные промышленные приоритеты, реформу системы закупок, подготовку кадров,

¹³² Australian Government. Australia invests in powerful new high-tech missiles. Defence Ministers, 21 Aug. 2023. URL: <https://www.minister.defence.gov.au/media-releases/2023-08-21/australia-invests-powerful-new-high-tech-missiles> (accessed: 20.03.2026).

¹³³ Australian Government. Australia accelerates long-range precision strike capability acquisition. Defence Ministers, 19 Aug. 2023. URL: <https://www.minister.defence.gov.au/media-releases/2023-08-19/australia-accelerates-long-range-precision-strike-capability-acquisition> (accessed: 20.03.2026).

¹³⁴ Australian Government Department of Defence. Boost in ability to strike from afar. 23 Apr. 2024. URL: <https://www.defence.gov.au/news-events/news/2024-04-23/boost-ability-strike-from-afar> (accessed: 20.03.2026).

¹³⁵ Australian Government Department of Defence. Guided Weapons and Explosive Ordnance Enterprise. URL: <https://www.defence.gov.au/business-industry/industry-capability-programs/guided-weapons-explosive-ordnance-enterprise> (accessed: 20.03.2026).

¹³⁶ Australian Government Department of Defence. The Australian Guided Weapons and Explosive Ordnance Plan. 2024. URL: <https://www.defence.gov.au/about/strategic-planning/australian-guided-weapons-explosive-ordnance-plan> (accessed: 20.03.2026).

повышение безопасности оборонного сектора и новый подход к инновациям¹³⁷. Отдельно Министерство обороны Австралии выделило семь так называемых *Sovereign Defence Industrial Capabilities*, представляющих из себя ключевые национальные производственные возможности, без которых страна не сможет самостоятельно развивать и поддерживать оборонный потенциал по решению правительства¹³⁸.

Пятым направлением стала адаптация структуры армии Австралии к задачам интегрированных операций. В «Integrated Investment Program» 2024 года детально все излагалось¹³⁹. Эта логика соответствует стратегии «отрицания», поскольку автономия понимается не как способность вести войну без помощи союзников, а как возможность самостоятельно и совместно с партнерами не допустить достижения противником целей в районе жизненных интересов Австралии.

Шестое направление – беспилотные системы и способы противодействия им. В 2026 году правительство заявило, что новый «Integrated Investment Program» будет делать акцент на автономных и беспилотных системах в сухопутной, воздушной и морской сферах, а также на системах противодействия БПЛА, защиты важных объектов и критической инфраструктуры¹⁴⁰. Австралия, как видно, учитывает опыт боевых действий на Украине и Ближнем Востоке¹⁴¹.

Таким образом, первые шаги Австралии к стратегической автономии выразились в трех взаимосвязанных между собой процессах:

1. Увеличении оборонных расходов;
2. Переходе к долгосрочному инвестиционному планированию;
3. Укреплении собственной оборонно-промышленной базы.

Автономия Австралии по своей сути все же достигается, как бы это странно ни звучало, при помощи союзников. Страна стремится опираться именно на собственные силы,

¹³⁷ Australian Government Department of Defence. Defence Industry Development Strategy. 2024. URL: <https://www.defence.gov.au/about/strategic-planning/defence-industry-development-strategy> (accessed: 25.03.2026).

¹³⁸ Australian Government Department of Defence. Sovereign Defence Industrial Priorities. 2024. URL: <https://www.defence.gov.au/business-industry/industry-capability-programs/sovereign-defence-industrial-priorities> (accessed: 25.03.2026).

¹³⁹ Australian Government. 2024 Integrated Investment Program. Defence Ministers, 17 Apr. 2024. URL: <https://www.minister.defence.gov.au/media-releases/2024-04-17/2024-integrated-investment-program> (accessed: 25.03.2026).

¹⁴⁰ Australian Government. 2026 National Defence Strategy and Integrated Investment Program. Defence Ministers, 16 Apr. 2026. URL: <https://www.minister.defence.gov.au/media-releases/2026-04-16/2026-national-defence-strategy-integrated-investment-program> (accessed: 25.03.2026).

¹⁴¹ \$5 billion in new spending on drones as Defence learns from Ukraine and Iran lessons // ABC News. 13.04.2026. URL: <https://www.abc.net.au/news/2026-04-14/australian-defence-drone-spending-ukraine-iran-lessons/106560648> (accessed: 25.03.2026).

однако, и дистанцироваться от вовсе США не спешит. Напротив, наиболее крупные и технологически сложные проекты, будь то AUKUS, развитие дальнобойных ударных систем, космос, киберсфера, реализуются через более тесное сотрудничество с Вашингтоном и Лондоном. Поэтому в современной оборонной политике Австралии прослеживается четкое внутреннее противоречие: страна стремится к большей самостоятельности, но достигает ее через механизмы, которые одновременно углубляют ее зависимость от союзников.

Глава 2. Возможности формирования ядерной независимости Австралии

2.1 Перспективы развития национальной ядерной инфраструктуры

Понятие «ядерная независимость» в австралийском контексте представляет собой многослойную категорию, которая не подразумевает полный отказ от союзнических обязательств, но указывает на стремление государства расширять собственную автономию в принятии решений и развитии ключевых компонентов ядерного комплекса. В эпоху альянса AUKUS данная формулировка приобретает особое значение, так как Австралия впервые получает доступ к технологиям военно-морской ядерной энергетики – области, ранее закрытой для несамостоятельных держав.

Ядерная независимость определяется способностью государства самостоятельно контролировать и развивать критические элементы атомной сферы. Научно-техническая база складывается из нескольких взаимосвязанных компонентов: эксплуатации исследовательских реакторов, совершенствования ядерных технологий, подготовки профильных специалистов, формирования национальных центров компетенций в области радиационной безопасности и инженерии. Топливный цикл берет начало с добычи урана, его переработки и конверсии, а со временем страна способна освоить технологии обогащения и научиться обращаться с отработавшим ядерным топливом.

Атомная энергетика дополняет возобновляемые источники, что становится особенно заметно при отказе государства от угольной генерации. Эксплуатация атомных подводных лодок с ядерными энергетическими установками предполагает создание специализированной инфраструктуры и неукоснительное соблюдение гарантий МАГАТЭ. Высокоточные и дальнобойные системы вооружений формируют отдельное направление развития: они способны в перспективе стать основой ядерного сдерживания, а в гипотетическом сценарии могут использоваться как носители ядерных боеприпасов. Совокупность всех этих компонентов, от фундаментальной науки до средств доставки, определяет степень автономии страны в ядерной области.

В этой рамке ключевым становится разграничение между энергетической и военной составляющей. Австралия в энергетике традиционно придерживалась сдержанной позиции и ограничивалась исследовательскими и медицинскими применениями ядерных технологий. В военной же сфере поворотным моментом стал именно AUKUS: благодаря доступу к атомным подлодкам Канберра получила возможность претендовать на особый статус государства, технологически близкого к ядерным державам (quasi-nuclear state).

Австралия присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия в 1973 году и с тех пор последовательно заявляет об отсутствии намерений разрабатывать собственный ядерный арсенал. Эта позиция закреплена в международных обязательствах страны и во внутренней политике правительства. Министерство иностранных дел и торговли прямо характеризует ДНЯО как «краеугольный камень международной безопасности», подтверждая приверженность Канберры глобальному режиму нераспространения¹⁴².

Выводы, представленные далее в данной главе, следует воспринимать как оценку потенциала и возможностей, которые открываются в рассматриваемой сфере, а не как прогнозирование прямого отказа от принятых международных обязательств. Речь идет о формировании автономии – способности при необходимости разворачивать определенные сегменты ядерной инфраструктуры на национальной территории и минимизировать зависимость от внешних партнеров.

Это понимание «ядерной независимости» позволяет увидеть, что для Австралии важнее не столько обладание ядерным оружием, что запрещено правовыми нормами и политически неприемлемо, сколько возможность самой выбирать стратегию развития: от добычи и экспорта урана до создания собственных атомных подводных лодок и участия в формировании новых стандартов международных гарантий. В условиях конкуренции великих держав в Индо-Тихоокеанском регионе такая автономия превращается в один из ключевых элементов национального суверенитета.

Исторический контекст формирования ядерных амбиций Австралии

Разговор о перспективах «ядерной независимости» Австралии невозможно вести без обращения к историческим предпосылкам. Еще в середине XX века на фоне «мирного атома» и ядерной гонки великих держав в Канберре рассматривалась возможность создания собственной ядерной инфраструктуры, включая оборонный сегмент. В 1956 году министр обороны Атолл Таунли прямо рекомендовал приобрести тактическое ядерное оружие для оснащения им австралийских бомбардировщиков, а в 1958-м глава Австралийской комиссии по атомной энергии Филип Бакстер предложил строительство реактора для производства оружейного плутония в Маунт-Айзе¹⁴³.

¹⁴² Хлопков А. Военная ядерная программа Австралии // ПИР-Центр. URL: <https://pircenter.org/2022/08/08/voennaja-jadernaja-programma-avstralii/> (дата обращения: 02.07.2025).

¹⁴³ Walsh J. Surprise Down Under: The Secret History of Australia's Nuclear Ambitions // *The Nonproliferation Review*. 1997. Vol. 4, No. 1.

В 1969 году премьер-министр Джон Гортон запустил проект реактора в Джервис-Бей, который стал самым заметным воплощением ранних ядерных амбиций Австралии¹⁴⁴. Официально реактор планировался для производства электроэнергии, хотя позднее сам Гортон признавал, что реактор мог послужить путем к атомной бомбе. Высокие затраты вкупе с общественным противодействием и сменой правительства похоронили проект. Вместе с ним ушли в небытие первые реальные попытки ядерного оружейного курса страны.

Провал конкретной инициативы не отменил ее институционального наследия. На протяжении 1950-1980-х годов страна готовила научные кадры, возводила исследовательские объекты (реактор HIFAR заработал в 1958 году), выстраивала партнерство с США и Великобританией в области мирного атома, а компетенции прежней Комиссии по атомной энергии в 1987 году перешли к Australian Nuclear Science and Technology Organisation (ANSTO)¹⁴⁵.

Запущенный в 2007 году, реактор OPAL стал ядром австралийской ядерной науки: он стал источником производства изотопов, поставок промышленного сырья и проведения исследований. Запуск этой установки означал окончательное преобразование некогда амбициозных военно-ядерных планов в последовательно проводимую политику мирного использования атомной энергии¹⁴⁶.

Урановые запасы страны (около трети мировых) всегда оставались потенциальным преимуществом, Австралия вошла в число ведущих экспортеров урана, однако сознательно отвергла создание полного топливного цикла.

Законодательство запрещало обогащение и переработку топлива уже много лет, тем самым сохраняя за Австралией имидж «страны-нераспространенца», но при этом консервировало государство в статусе поставщика сырья на мировом ядерном рынке.

К XXI веку страна пришла с противоречивым наследием: развитая исследовательская база и колоссальные природные ресурсы сочетались с жесткими ограничениями на самостоятельное развитие ядерной энергетики и полным запретом военных проектов в этой сфере.

Поворот AUKUS: от союзника к «ядерному партнеру»

¹⁴⁴ Clarke M. Thinking the unthinkable again // The Interpreter. Lowy Institute, 2024. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/thinking-unthinkable-again> (accessed: 02.07.2025).

¹⁴⁵ Australian Nuclear Science and Technology Organisation (ANSTO). History, 2005. URL: <https://web.archive.org/web/20050614074630/http://www.ansto.gov.au/ansto/history.html> (accessed: 02.07.2025).

¹⁴⁶ Австралийский исследовательский реактор OPAL официально открыт // AtomInfo.Ru, 2007. URL: <http://www.atominfo.ru/news/air1293.htm> (дата обращения: 02.07.2025).

В 2021 году Канберра заключила договор AUKUS с Вашингтоном и Лондоном, который стал историческим событием – ядерные страны впервые готовы были передать другому участнику технологии военно-морской атомной энергетики. Договор эксперты назвали тревожным прецедентом, так как неядерная страна получила возможность для использования высокообогащенного урана в своих реакторах. Партнеры оценили надежность Австралии, однако будущее международного режима нераспространения оставалось туманным.

Для Австралии же AUKUS открыл путь к особому «ядерному статусу», пусть и без создания оружия. Получение атомных субмарин классов *Virginia* и *SSN-AUKUS* требует от Австралии сформировать целый комплекс компетенций: подготовить инженеров и операторов, выстроить инфраструктуру технического обслуживания, создать систему национального регулирования. Союзнические обязательства подталкивают государство к своеобразной «ядерной автономии».

Австралия много раз приходила к дилемме военного или мирного использования атомной энергии. После заключения AUKUS эта дилемма приобрела иное измерение – речь идет уже не о ядерном оружии. На первый план вышла способность государства самостоятельно распоряжаться научно-технической базой, кадровым потенциалом и ресурсами, направляя их на энергетические и военно-морские цели.

Дальнейший анализ требует рассмотрения трех ключевых элементов – технических, кадровых и научных ресурсов, на которых и может строиться возможная будущая ядерная независимость Австралии.

2.1.1 Технические, кадровые и научные ресурсы для создания собственной ядерной программы

Исследовательская инфраструктура: от HIFAR к OPAL

История австралийской ядерной науки и технологий начинается с реактора HIFAR (High Flux Australian Reactor), введенного в эксплуатацию в 1958 году в Лукас-Хайтс, пригороде Сиднея. Этот тяжеловодный реактор мощностью 10 МВт был построен при технической поддержке Великобритании и стал первым объектом подобного масштаба в Австралии¹⁴⁷.

¹⁴⁷ World Nuclear Association. Australian Research Reactors // World Nuclear Association Information Library, 2017. URL: <https://world-nuclear.org/information-library/appendices/australian-research-reactors> (accessed: 02.07.2025).

В течение почти пяти десятилетий HIFAR являлся центральной исследовательской установкой страны: именно на его базе производились первые радиоизотопы для медицины, велись эксперименты по материаловедению и радиационной физике, готовились специалисты в области эксплуатации ядерных установок¹⁴⁸. Однако к началу XXI века он перестал соответствовать современным требованиям безопасности и эффективности, что сделало необходимым строительство нового исследовательского центра.

Решением стало создание реактора OPAL (Open Pool Australian Lightwater Reactor). Контракт на его проектирование и строительство был заключен с аргентинской компанией INVAP¹⁴⁹, имеющей значительный опыт в этой области. OPAL официально начал работу в 2007 году, став крупнейшей современной исследовательской установкой Австралии¹⁵⁰.

Реактор OPAL мощностью 20 МВт использует низкообогащенное урановое топливо (<20 % U-235), что полностью соответствует международным требованиям режима нераспространения. Выбор такого топлива был принципиальным: Канберра демонстрировала приверженность Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и исключала возможность военного применения реактора¹⁵¹.

Функциональные возможности OPAL значительно шире, чем у предшественника. Среди основных направлений его деятельности:

- производство медицинских изотопов, прежде всего молибдена-99, который применяется в диагностике онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний. Австралия занимает одно из ведущих мест в мире по экспорту радиофармацевтики;
- нейтронное рассеяние и исследования в материаловедении, востребованные в металлургии, при создании новых сплавов, а также в энергетике и оборонной промышленности;
- нейтронно-активационный анализ полезных ископаемых, особенно значимый для австралийской горнодобывающей отрасли, ориентированной на экспорт сырья;

¹⁴⁸ Engineers Australia. High Flux Australian Reactor (HIFAR) // Engineers Australia Heritage Recognition Program, 2023.

URL: https://heritage.engineersaustralia.org.au/wiki/Place:High_Flux_Australian_Reactor (accessed: 02.07.2025).

¹⁴⁹ INVAP S.E. OPAL in Australia // INVAP Official Website. URL: <https://www.invap.com.ar/en/divisions/nuclear/opal-in-australia> (accessed: 05.07.2025).

¹⁵⁰ Australian Nuclear Science and Technology Organisation (ANSTO). OPAL Multipurpose Reactor // ANSTO Official Website, 2025. URL: <https://www.ansto.gov.au/facilities/opal-multi-purpose-reactor> (accessed: 05.07.2025).

¹⁵¹ World Nuclear Association. Australian Research Reactors // World Nuclear Association Information Library, 2017. URL: <https://world-nuclear.org/information-library/appendices/australian-research-reactors> (accessed: 05.07.2025).

- облучение кремния для полупроводниковой промышленности (NTD-процесс), открывающее возможности для локального развития высокотехнологичных производств¹⁵².

Рабочий цикл OPAL составляет 30-35 дней, после чего реактор кратковременно останавливают для замены топлива. Такой режим обеспечивает около 300 рабочих дней в году и выводит установку в число наиболее производительных исследовательских установок мира.

Масштабная модернизация первой системы защиты (FRPS) и источника холодных нейтронов (CNS), завершенная в 2024 году, продлила эксплуатационный ресурс реактора минимум на пятнадцать лет и расширила возможности для научных экспериментов¹⁵³.

OPAL выполняет исследовательские задачи, но его роль этим не ограничивается: реактор обеспечивает Австралии устойчивые позиции в ядерной сфере. Специалисты, работающие на объекте, накапливают практический опыт эксплуатации реакторного оборудования, обращения с ядерным топливом и обеспечения радиационной безопасности. Инфраструктура OPAL позволяет стране выполнять международные обязательства по гарантиям МАГАТЭ¹⁵⁴.

Научные центры и институты

Australian Nuclear Science and Technology Organisation управляет реактором OPAL и рядом научных центров, которые формируют основу национальной ядерной инфраструктуры страны. На этих площадках ведутся исследования мирового уровня, а накопленные компетенции находят применение в мирных целях и представляют интерес для оборонной отрасли.

Australian Centre for Neutron Scattering (ACNS)

Австралийский центр рассеяния нейтронов (ACNS) занимает лидирующие позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе среди площадок для фундаментальных и прикладных исследований методом нейтронного рассеяния. Нейтронные пучки реактора OPAL дают

¹⁵² World Nuclear Association. Australian Research Reactors // World Nuclear Association Information Library, 2017. URL: <https://world-nuclear.org/information-library/appendices/australian-research-reactors> (accessed: 05.07.2025).

¹⁵³ Australian Nuclear Science and Technology Organisation (ANSTO). OPAL Multipurpose Reactor // ANSTO Official Website, 2025. URL: <https://www.ansto.gov.au/facilities/opal-multi-purpose-reactor> (accessed: 05.07.2025).

¹⁵⁴ Кетчпул Х. Реакторы для НИОКР // *Бюллетень МАГАТЭ*. 2007. Т. 49, № 1. С. 52-55.

возможность изучать атомную структуру и свойства самых разных материалов: в материаловедении и металлургии их используют при анализе процессов деформации и разрушения, биофизики исследуют с их помощью структуру белков и мембран. Оборонная отрасль активно привлекает подобные разработки, поскольку создание сплавов для авиационной и подводной техники требует материалов, способных выдерживать экстремальные нагрузки.

В 2023 году специалисты ACNS опубликовали 191 научную работу, австралийские исследования нейтронного рассеяния лидируют по цитируемости среди других исследований в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и это свидетельствует о признании международного уровня работы Центра¹⁵⁵.

Australian Synchrotron

Австралийский синхротрон в Клейтоне (пригород Мельбурна) остается крупнейшей установкой подобного типа во всем Южном полушарии. Синхротрон ускоряет электроны и генерирует интенсивное рентгеновское излучение. Благодаря этому ученые изучают структуру вещества на атомном и молекулярном уровнях.

Спектр применения охватывает нанотехнологии, материалы для оборонной отрасли, фармацевтику и биотехнологии: анализ структуры белков, молекулярные механизмы заболеваний.

Исследователи изучают кристаллическую решетку сплавов, чтобы создавать материалы для авиакосмической отрасли, а химические эксперименты помогают разрабатывать перспективные энергетические технологии.

Australian Synchrotron соединяет фундаментальную науку с прикладными задачами и тем самым обеспечивает Австралии доступ к передовым технологиям мирового уровня¹⁵⁶.

Centre for Accelerator Science

Научный центр ускорителей (Centre for Accelerator Science, CAS) замыкает тройку ключевых элементов австралийской ядерной инфраструктуры, и мировое научное сообщество признает достижения этой площадки в области ионно-лучевых исследований.

¹⁵⁵ Australian Nuclear Science and Technology Organisation (ANSTO). Australian Centre for Neutron Scattering // ANSTO Official Website, 2025. URL: <https://www.ansto.gov.au/facilities/australian-centre-for-neutron-scattering> (accessed: 05.07.2025).

¹⁵⁶ Australian Nuclear Science and Technology Organisation (ANSTO). Australian Synchrotron // ANSTO Official Website, 2025. URL: <https://www.ansto.gov.au/facilities/australian-synchrotron> (accessed: 16.07.2025).

Специалисты центра анализируют структуру материалов, оценивают радиационную стойкость электронных компонентов, решают разнообразные прикладные задачи.

Важными заказчиками для работы CAS выступают космические и оборонные ведомства страны, так как именно в CAS испытывают электронику и материалы на радиационную стойкость. Кроме того, центр установил долгосрочное сотрудничество с университетами и зарубежными лабораториями – таким образом Австралия может встроиться в глобальное научное пространство¹⁵⁷.

Australian Synchrotron, ACNS, CAS представляют собой полный цикл ядерно-научного комплекса страны. Они позволяют наладить развитие конкурентных преимуществ страны в тех сферах, которые являются для нее важными. Все это улучшает состояние медицины, гражданской науки и промышленности, что усиливает экономический потенциал государства. При смене политического курса их можно привлечь к оборонным задачам, поскольку исследования радиационной стойкости и свойств материалов напрямую применимы при разработке новых вооружений, а накопленный опыт обращения с ядерными технологиями способен стать основой компетенций для оружейных программ.

Австралия располагает развитой сетью научных центров, которая, оставаясь в рамках мирного атома, фактически несет двойное назначение. Эти институты формируют фундамент национальной ядерной науки и могут превратиться в источник ресурсов для реализации стратегии «ядерной независимости», если внешнеполитическая конъюнктура изменится.

Кадровый и образовательный потенциал

Формирование ядерной независимости Австралии во многом определяется кадровым потенциалом страны: инженерами, физиками-ядерщиками, материаловедами, экспертами в области радиационной безопасности и управления топливным циклом. Даже при обилии природных ресурсов и наличии современной исследовательской инфраструктуры без профессиональных кадров невозможно обеспечить полноценное функционирование ядерной отрасли. Именно поэтому в последние годы Австралия целенаправленно инвестирует в развитие образовательных программ и международное сотрудничество в сфере подготовки специалистов.

¹⁵⁷ Australian Nuclear Science and Technology Organisation (ANSTO). Centre for Accelerator Science // ANSTO Official Website, 2025. URL: <https://www.ansto.gov.au/facilities/centre-for-accelerator-science> (accessed: 16.07.2025).

Программы подготовки в университетах

University of New South Wales (UNSW Sydney) занимает центральное место в подготовке инженеров-ядерщиков. В данном университете можно поступить на магистерскую программу Master of Engineering Science (Nuclear Engineering), включающую курсы по реакторной физике, проектированию ядерных установок, топливным циклам урана и тория, радиационной безопасности и ядерным материалам. UNSW активно взаимодействует с ANSTO, предоставляя студентам возможность участвовать в практических исследованиях на базе реактора OPAL и других ядерных объектов¹⁵⁸. Важно отметить, что данная программа ориентирована не только на гражданский сектор (энергетика и медицина), но и на оборонный, что в условиях AUKUS приобретает особую актуальность.

Australian National University (ANU, Canberra) – ведущий центр ядерной физики в стране. Здесь расположена крупнейшая национальная лаборатория по применению ускорителей, используемых для исследований в области ядерной структуры, изотопной аналитики и материаловедения. ANU готовит аспирантов и докторантов по направлениям фундаментальной и прикладной ядерной науки, активно сотрудничая с международными научными центрами, включая Европейскую организацию ядерных исследований (CERN) и национальные лаборатории США¹⁵⁹.

University of Melbourne с 2024 года реализует государственную программу подготовки специалистов для атомного судостроения. В рамках этой инициативы выделено 300 учебных мест для студентов, обучающихся по направлениям, связанным с ядерными установками, материаловедением и судостроительной инженерией. Первый набор состоялся в 2024 году, а завершение программы запланировано на 2030-е годы. По словам представителей университета, эта инициатива «не имеет аналогов в истории австралийского образования» и является частью национального приоритета в рамках AUKUS¹⁶⁰.

University of Sydney, University of Adelaide, Curtin University и University of Queensland развивают смежные направления подготовки: радиационная физика, добыча урана, обращение с ядерными отходами. Эти направления востребованы в ресурсном

¹⁵⁸ University of New South Wales (UNSW). Master of Engineering Science (Nuclear Engineering) // UNSW Sydney Official Website. URL: <https://www.unsw.edu.au/study/postgraduate/master-of-engineering-science-nuclear-engineering> (accessed: 16.07.2025).

¹⁵⁹ Australian National University (ANU). Department of Nuclear Physics and Accelerator Applications // ANU Research School of Physics. URL: <https://physics.anu.edu.au/research/npaa/> (accessed: 16.07.2025).

¹⁶⁰ University of Melbourne welcomes student places to support nuclear-powered submarines student pathways // University of Melbourne Newsroom, 2023. URL: <https://www.unimelb.edu.au/newsroom/news/2023/november/university-of-melbourne-welcomes-student-places-to-support-nuclear-powered-submarines-student-pathways> (accessed: 16.07.2025).

секторе, ядерной медицине и сфере экологической безопасности; при мобилизации национального научного потенциала выпускники смогут участвовать и в оборонных проектах.

Международное сотрудничество в подготовке кадров

Австралия активно задействует союзнические связи для подготовки специалистов, не замыкаясь на внутренних ресурсах. Офицеры ВМС в рамках программы AUKUS обучаются в США на базе Groton Submarine School в штате Коннектикут, осваивая эксплуатацию и обслуживание атомных подводных лодок. Инженеры параллельно стажировались в Великобритании на предприятиях Rolls-Royce и BAE Systems¹⁶¹.

Австралия благодаря такому подходу создает костяк специалистов, которые в перспективе возьмут на себя эксплуатацию и техническое обслуживание флота *SSN-AUKUS*. Эти кадры помимо технических компетенций получают понимание международных норм, стандартов безопасности и системы гарантий, что критически значимо для государства, сохраняющего обязательство в рамках ДНЯО.

В стране постепенно выстраивается многоуровневая система подготовки кадров для ядерного сектора:

1. Академическая подготовка студентов по направлениям ядерной инженерии, радиационной физики, материаловедения и смежных дисциплин осуществляется на университетском уровне;
2. Выпускники, переходя на исследовательский уровень, приобретают прикладные навыки в ходе практической работы в ANSTO, Australian Synchrotron и других центрах, а также участвуют в международных проектах;
3. Оборонный уровень включает обучение и стажировки на союзнических объектах в США и Великобритании, где готовят специалистов для обслуживания атомных подводных лодок и формирования военной ядерной инфраструктуры¹⁶².

¹⁶¹ Australian Submarine Agency. Royal Australian Navy Sailors graduate Submarine Officer Basic Course: next step, assignment to U.S. Virginia class submarines // Australian Submarine Agency News, 2024. URL: <https://www.asa.gov.au/news/all-news/2024-04-22/royal-australian-navy-sailors-graduate-submarine-officer-basic-course-next-step-assignment-us-virginia-class-submarines> (accessed: 16.07.2025).

¹⁶² DVIDS (Defense Visual Information Distribution Service). First Royal Australian Navy sailors graduate from Basic Enlisted Submarine School // DVIDS News, 2024. URL: <https://www.dvidshub.net/news/477265/first-royal-australian-navy-sailors-graduate-basic-enlisted-submarine-school> (accessed: 17.07.2025).

Образовательные программы и участие в международных инициативах позволяют Австралии двигаться сразу к двум стратегическим целям. Задаются векторы мирного использования атомной энергии (малые модульные реакторы, медицинские изотопы, научные исследования), но и готовятся кадры для обслуживания военной ядерной инфраструктуры при AUKUS.

Именно так формируется резерв для ядерной суверенности государства. Даже без развитой национальной энергетики и с ограничениями топливного цикла Австралия может готовить кадры международного уровня, которые в случае нужды могут стать основой для перехода к большей автономии в области атомной энергии.

Урановые ресурсы и топливный цикл

Австралия – признанная мировая «урановая сверхдержава». Как отмечает World Nuclear Association, страна располагает около 28% всех подтвержденных в мире запасов урана¹⁶³. Этот высокий процент и делает Австралию важнейшим игроком на рынке ядерного топлива и основным поставщиком урана для Европы и Азии.

Австралия эксплуатирует несколько крупных урановых рудников, каждый из которых имеет стратегическое значение:

- Olympic Dam (South Australia) – уникальный по масштабу комплекс, где наряду с медью и золотом добывается уран. Это одно из крупнейших многоцелевых месторождений в мире, управляемое компанией BHP. Olympic Dam обеспечивает значительную долю австралийского экспорта урана и одновременно является источником стратегических металлов.
- Beverley и Four Mile (South Australia) – месторождения, разрабатываемые методом подземного выщелачивания. Данный метод считается менее затратным и экологически более приемлемым, чем традиционная добыча.
- Ranger (Northern Territory) – исторически один из самых известных рудников Австралии, разработка которого началась еще в 1980-х. В течение многих лет Ranger

¹⁶³ World Nuclear Association. *Australia's Uranium* // World Nuclear Association, 2025. URL: <https://world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-a-f/australia> (accessed: 17.07.2025).

был крупнейшим экспортером урана, однако в 2021 году добыча была прекращена, и сегодня объект проходит стадию рекультивации^{164 165}.

Страна	Тонн U	% от мировых запасов
Австралия	1,671,200	28%
Казахстан	813,900	14%
Канада	582,000	10%
Намибия	497,900	8%
Россия	476,600	8%
Нигер	336,000	6%
ЮАР	320,900	5%
Китай	270,500	5%
Бразилия	167,800	3%
Монголия	144,600	2%
Украина	106,700	2%
Ботсвана	87,200	1%
США	67,000	1%
Танзания	57,000	1%
Прочие	324,900	5%
Всего в мире	5,925,700	100%

Таблица 1. Ресурсы урана по странам в 2023 году. Составлена автором на основе данных World Nuclear Association.

Источник: <https://world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/mining-of-uranium/world-uranium-mining-production>

В целом, добыча урана составляет важную часть австралийской экспортной экономики. По объему экспорта урана страна стабильно входит в тройку мировых лидеров наряду с Казахстаном и Канадой¹⁶⁶.

¹⁶⁴ Рекультивация земель - комплекс работ по восстановлению продуктивности и народнохозяйственной ценности земель, улучшению условий окружающей среды.

Источник: Рекультивация земель // Энциклопедия сельского хозяйства, Academic.ru. URL: https://selskoe_hozyaistvo.academic.ru/2508/рекультивация_земель (дата обращения: 17.07.2025).

¹⁶⁵ World Nuclear Association. *Australia's Uranium* // World Nuclear Association, 2025. URL: <https://world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-a-f/australia> (accessed: 17.07.2025).

¹⁶⁶ Investing News. *Top Uranium Reserves by Country* // Investing News, 2025. URL: <https://investingnews.com/top-uranium-reserves-by-country/> (accessed: 17.07.2025).

Несмотря на столь богатую ресурсную базу, Австралия не развивает полный ядерный топливный цикл. На территории страны отсутствуют предприятия по конверсии уранового концентрата в газообразные соединения (UF_6); обогащению урана (увеличению доли изотопа U-235); переработке отработавшего ядерного топлива (ОЯТ).

Это связано с действующими законодательными запретами. На федеральном уровне строительство объектов по обогащению и переработке топлива прямо запрещено законом Nuclear Activities Prohibition Act, что отражает многолетнюю антиядерную позицию Австралии. Существует также Nuclear Waste Storage Facility (Prohibition) Act 2000 и другие акты, закрепляющие антиядерную позицию страны. Такие ограничения объясняются как соображениями нераспространения, так и политической чувствительностью ядерной тематики для австралийского общества¹⁶⁷.

В результате страна остается в положении «сырьевого экспортера»: Австралия добывает уран и отправляет его на переработку и обогащение за рубеж, прежде всего в США, Европу и Азию.

Этот «сырьевой статус» имеет двоякое значение. С одной стороны, Австралия укрепляет свой международный имидж как ответственного участника режима нераспространения, не претендующего на создание собственного топливного цикла. С другой стороны, подобная зависимость от внешних партнеров снижает ее стратегическую автономию. В случае изменения мировой конъюнктуры или обострения международных кризисов Австралия окажется уязвимой: без доступа к технологиям обогащения и переработки страна не сможет самостоятельно поддерживать даже гипотетическую ядерную энергетику.

Некоторые исследователи отмечают, что подобная зависимость закрепляет за Австралией статус «атомного придатка» – государства, обладающего богатейшими ресурсами, но не контролирующего полный цикл их использования¹⁶⁸.

¹⁶⁷ Parliamentary Library of Australia. *Nuclear activities prohibitions in Australia* // Parliament of Australia, 2024. URL:

https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_departments/Parliamentary_Library/Research/Quick_Guides/2023-24/NuclearActivitiesProhibitions (accessed: 18.07.2025).

¹⁶⁸ Clarke M, Frühling S, O'Neil A. *Australia's Nuclear Policy: Reconciling Strategic, Economic and Normative Interests* // Routledge, 2016.

Страна	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Казахстан	23,607	24,689	23,321	21,705	22,808	19,477	21,819	21,227	21,109	23,270
Канада	13,325	14,039	13,116	7,001	6,938	3,885	4,693	7,351	11,001	14,309
Намибия	2,993	3,654	4,224	5,525	5,476	5,413	5,753	5,611	6,986	7,333
Австралия	5,654	6,315	5,882	6,517	6,613	6,203	4,192	4,553	4,693	4,598
Узбекистан (оцен.)	2,385	3,325	3,400	3,450	3,500	3,500	3,516	3,561	4,000	4,000
Россия	3,055	3,004	2,917	2,904	2,911	2,846	2,635	2,508	2,710	2,738
Китай (оцен.)	1,616	1,616	1,692	1,885	1,885	1,885	1,600	1,700	1,600	1,600
Нигер	4,116	3,479	3,449	2,911	2,983	2,991	2,248	2,020	1,130	962
Индия (оцен.)	385	385	421	423	308	400	600	600	485	500
ЮАР (оцен.)	393	490	308	346	346	250	192	200	200	200
Украина (оцен.)	1,200	808	707	790	800	744	455	100	340	288
США	1,256	1,125	940	582	58	6	8	75	19	260
Прочие	357	277	85	116	116	131	95	108	161	155
Итого в мире, т U	60,342	63,207	60,462	54,154	54,742	47,731	47,805	49,614	54,433	60,213
Итого в мире, т U ₃ O ₈	71,158	74,536	71,299	63,861	64,554	56,286	46,374	58,507	64,190	71,006
% мирового спроса	98%	96%	93%	80%	81%	74%	76%	76%	83%	90%

Таблица 2. Добыча на рудниках (тонн U). Составлена автором на основе данных World

Nuclear Association.

Источник: <https://world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/mining-of-uranium/world-uranium-mining-production>

Для перехода к большей автономии Австралии пришлось бы предпринять несколько шагов:

1. Пересмотреть законодательство, снимая запреты на строительство предприятий по обогащению и переработке;
2. Сформировать национальные мощности для конверсии и обогащения урана, что потребует миллиардных вложений и многолетнего планирования;
3. Параллельно выстраивать систему регулирования и безопасности, отвечающую стандартам МАГАТЭ;
4. Отдельную и, вероятно, наиболее сложную задачу представляет достижение политического консенсуса и общественной поддержки на фоне устойчивых антиядерных настроений в стране.

Такие шаги сопряжены с огромными издержками. Внутри страны они способны вызвать серьезное сопротивление, международное сообщество также воспримет их настороженно, поскольку Австралия традиционно считается одним из столпов режима нераспространения.

Крупнейшие в мире запасы урана дают Австралии уникальное преимущество и объективный потенциал для развития полноценной ядерной программы, однако законодательные ограничения вкупе с экспортной ориентацией закрепляют за страной статус «сырьевого игрока», зависящего от технологий и производственных мощностей внешних партнеров. Эта зависимость по-прежнему остается одним из главных барьеров на пути к подлинной ядерной независимости.

Частный сектор и индустрия двойного назначения

Развитие национальной ядерной инфраструктуры Австралии нельзя рассматривать только через призму государственных институтов и научных центров. Весомую роль здесь начинает играть частный сектор. В том числе компании, которые работают в смежных областях (от ядерной медицины до оборонных технологий). Они обеспечивают приток инвестиций, стимулируют подготовку специалистов и становятся проводниками технологий двойного назначения, которые при определенных условиях могут быть использованы не только в гражданских, но и в военных программах.

Cyclotek Australia Pty¹⁶⁹ является одним из ведущих предприятий ядерной медицины на национальном уровне. Производит радиофармацевтические изотопы для диагностики и лечения рака и сердечно-сосудистых заболеваний. Работает в тесном взаимодействии с научно-исследовательскими учреждениями и больницами, привлекает экспертов в области радиохимии, физики, инженерных технологий, радиационного контроля и защиты от излучений.

Компания состоит из высококвалифицированного персонала – радиохимиков, дозиметриков, специалистов по работе с радиоактивными веществами и специалистов по радиационному контролю. Все эти компетенции напрямую применимы в мирных целях, однако они пересекаются с задачами ядерного оружейного цикла. Например, производство короткоживущих изотопов требует знаний и навыков работы с высокоактивными материалами; радиохимический синтез во многом аналогичен операциям по выделению плутония или переработке уранового топлива; системы радиационной защиты и мониторинга имеют универсальный характер и могут применяться как в медицине, так и в военных проектах¹⁷⁰.

Специалисты Cyclotek при мобилизации национального научно-промышленного потенциала могут войти в кадровую базу, работающую с компонентами ядерного оружейного цикла.

Деятельность Lockheed Martin Australia служит еще одним показательным примером участия частного сектора в формировании технологического ландшафта страны. В 2017 году компания открыла в Мельбурне исследовательский центр STELaRLab (Science, Technology, Engineering Leadership and Research Laboratory), который задумывался как площадка для развития передовых технологий на стыке оборонной и гражданской науки. Центр переименовали в Advanced Systems and Technologies в 2024 году, что отразило обновленные приоритеты: исследования теперь интегрируются в оборонные программы Австралии, включая проект AUKUS¹⁷¹.

Работа центра охватывает разработку автономных систем, искусственного интеллекта, решений в области кибербезопасности и перспективных энергетических технологий. Часть этих исследований напрямую связана с технологиями двойного назначения. Системы управления, навигация, ядерные энергетические установки

¹⁶⁹ Cyclotek. About Us // Cyclotek Website, 2025. URL: <https://www.cyclotek.com/about-us> (accessed: 18.07.2025).

¹⁷⁰ Cyclotek is the leading radiopharmaceutical manufacturer // Cyclotek News, 2025. URL: <https://www.cyclotek.com/cyclotek-drives-innovation-in-radiopharmaceuticals-with-cutting-edge-facilities-in-victoria> (accessed: 18.07.2025).

¹⁷¹ Lockheed Martin Australia has rebranded its ... STELaRLab as Advanced Systems & Technologies // Lockheed Martin Australia News, 2024. URL: <https://lockheedmartinau.mediaroom.com/index.php?item=122675&s=2429> (accessed: 18.07.2025).

подводных лодок получают импульс к совершенствованию благодаря австралийским разработкам.

Активность компаний вроде Cyclotek и Lockheed Martin Australia свидетельствует о превращении частного сектора в значимый элемент ядерного ландшафта страны. Такие компании разрабатывают технологии, которые применяются в самых разных сферах. Привлекают выпускников университетов и специалистов ANSTO, открывая перед ними альтернативный карьерный путь, выстраивают мосты между академической наукой, промышленностью и оборонным комплексом.

Реализация «столпов» AUKUS и подготовка к эксплуатации атомных подводных лодок усиливают значение частного сектора: именно такие компании способны ускорить локализацию технологий и заложить основу для будущей ядерной независимости Австралии.

Анализ технических, кадровых и научных ресурсов свидетельствует о серьезном потенциале страны для развития собственной ядерной отрасли. Комплекс исследовательской и образовательной инфраструктуры формировался на протяжении десятилетий, что позволяет Австралии сохранять статус одного из наиболее развитых центров ядерной науки в Южном полушарии.

Организация ANSTO с ее ключевыми объектами – исследовательским реактором OPAL, Australian Centre for Neutron Scattering, Australian Synchrotron, Centre for Accelerator Science – создает устойчивый фундамент для фундаментальных и прикладных исследований. Эти центры интегрированы в международные научные сети и обеспечивают доступ к передовым технологиям, включая материалы нового поколения, радиофармацевтику и методы радиационной диагностики.

Австралия выстраивает многоуровневую систему подготовки специалистов для ядерной отрасли. Университетские программы реализуются в UNSW, ANU, University of Melbourne и ряде других вузов, исследовательские стажировки проходят в ANSTO, международное обучение организовано на союзнических объектах в США и Великобритании. Образовательные инициативы в рамках AUKUS занимают особое место, поскольку направлены на подготовку инженеров для строительства АПЛ и обучение экипажей будущих подводных лодок класса *SSN-AUKUS*. Такой комплексный подход создает условия для воспроизводства профессиональных кадров, способных обслуживать сложные ядерные установки на протяжении десятилетий.

Сырьевая база страны выглядит внушительно: Австралия располагает крупнейшими в мире запасами урана (около 28% от мировых разведанных ресурсов), что обеспечивает ей стратегическое преимущество и позволяет занимать позицию одного из ведущих

экспортеров на международном рынке. Добыча сосредоточена на крупных месторождениях Olympic Dam, Beverley и Four Mile, гарантирующих стабильный поток ресурсов для мировой ядерной энергетики.

Частный сектор постепенно расширяет присутствие в смежных областях, и этот процесс затрагивает весьма разнородные направления. Cyclotek Australia сосредоточила усилия на ядерной медицине, параллельно занимаясь подготовкой специалистов по радиохимии и радиационной безопасности. Lockheed Martin Australia действует иначе. Через центр Advanced Systems and Technologies компания стимулирует развитие технологий двойного назначения, непосредственно связанных с оборонной сферой.

При очевидных преимуществах сохраняются серьезные ограничения. Австралия лишена полного ядерного топливного цикла, поскольку мощности по обогащению урана и переработке отработавшего ядерного топлива в стране отсутствуют.

Федеральное законодательство прямо запрещает строительство подобных объектов, что превращает страну в заложника технологий и услуг зарубежных партнеров.

Богатейшие ресурсы, развитая научно-техническая база и кадровый потенциал создают прочный фундамент для формирования ядерной независимости, однако законодательные барьеры и отсутствие промышленного топливного цикла пока удерживают Австралию в статусе «ядерного сырьевого придатка». Тем не менее, при изменении политической линии и мобилизации имеющихся ресурсов Австралия способна в относительно короткие сроки трансформироваться в самостоятельного игрока в ядерной сфере – не только как поставщик сырья, но и как страна, обладающая комплексом технологий и инфраструктуры.

2.1.2 Анализ существующей энергетической и военной инфраструктуры

Энергетическая инфраструктура Австралии

Австралия остается одной из немногих развитых стран, где отсутствуют атомные электростанции. Несмотря на наличие крупнейших в мире запасов урана, страна никогда не эксплуатировала АЭС в гражданских целях. Попытки строительства предпринимались еще в середине XX века. Наиболее известен проект Джервис-Бей (Jervis Bay Project), инициированный в 1969 году премьер-министром Джоном Гортоном¹⁷². Официально

¹⁷² Wikipedia. *Jervis Bay Nuclear Power Plant* // Wikipedia, 2025. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Jervis_Bay_Nuclear_Power_Plant (accessed: 18.07.2025).

реактор должен был использоваться для энергетических целей, однако впоследствии сам Гортон признал, что объект рассматривался и как возможная база для производства плутония¹⁷³. В конечном итоге проект был свернут: на его судьбу повлияли высокая стоимость строительства, смена политического руководства, а также рост антиядерных настроений в обществе, подкрепленных активностью экологических движений¹⁷⁴.

Именно этот опыт во многом предопределил дальнейшую осторожную политику Австралии в отношении развития атомной энергетики. В отличие от таких стран, как Франция, Япония или Южная Корея, Канберра сделала ставку на другие источники генерации – уголь, газ и, в последние годы, возобновляемые источники энергии (ВИЭ).

Отсутствие АЭС закреплено не только исторически, но и юридически. Федеральное законодательство установило жесткие барьеры для развития атомной энергетики:

- Environment Protection and Biodiversity Conservation Act (1999) прямо запрещает строительство и эксплуатацию атомных электростанций на территории Австралии¹⁷⁵.
- Australian Radiation Protection and Nuclear Safety Act (1998) накладывает запреты на сооружение и эксплуатацию объектов по обогащению урана, переработке топлива и других установок, связанных с «чувствительными» стадиями ядерного топливного цикла¹⁷⁶.

Таким образом, Австралия на законодательном уровне исключила возможность развития атомной энергетики и топливного цикла, сосредоточив свои усилия лишь на исследовательских реакторах (HIFAR, OPAL), медицинских и промышленных применениях.

Вместе с тем вопрос о будущем атомной энергетики регулярно возвращается в политическую повестку. В 2023-2024 годах оппозиционная Либерально-национальная коалиция активно продвигала идею внедрения малых модульных реакторов (SMR). Лидер оппозиции Питер Даттон утверждал, что именно атомная энергетика является

¹⁷³ Nautilus Institute. *Australian nuclear weapons: the story so far* // Nautilus Institute, 2006. URL: <https://nautilus.org/apsnet/0623a-broinowski-html/> (accessed: 18.07.2025).

¹⁷⁴ Wikipedia. Nuclear power in Australia // Wikipedia, 2025. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Nuclear_power_in_Australia (accessed: 22.07.2025).

¹⁷⁵ Environment Protection and Biodiversity Conservation Act 1999 // Australian Government: Federal Register of Legislation, Compilation No. 62 as of 15 December 2023. URL: https://www.legislation.gov.au/C2004A00485/2023-12-15/2023-12-15/text/original/epub/OEBPS/document_1/document_1.html (accessed: 22.07.2025).

¹⁷⁶ Australian Radiation Protection and Nuclear Safety Act 1998 // Australian Government: Federal Register of Legislation, Compilation as of 19 April 2011. URL: <https://www.legislation.gov.au/C2004A00383/2011-04-19/text> (accessed: 22.07.2025).

«единственной проверенной технологией, способной гарантировать Австралии надежную, стабильную и чистую энергию»¹⁷⁷.

Предлагалось использовать площадки закрытых или выводимых из эксплуатации угольных электростанций, таких как Колли (Западная Австралия), Лой Янг (Виктория) и Тарунга (Новый Южный Уэльс). Такая инициатива могла бы позволить использовать существующую инфраструктуру сетей и кадровые ресурсы, минимизировав затраты на создание новых энергетических узлов. Однако правительство Австралии и независимые эксперты отнеслись к этим предложениям скептически¹⁷⁸.

Экономические и технологические барьеры

Согласно отчету GenCost 2023-24, подготовленному CSIRO и AEMO, себестоимость электроэнергии от SMR оказывается выше, чем от возобновляемых источников. В документе отмечается, что стоимость энергии от SMR может быть выше за мегаватт-час, в то время как у солнечных и ветровых установок этот показатель значительно ниже^{179 180}.

Крис Боуэн, министр по вопросам климата и энергетики, неоднократно указывал на то, что строительство атомных электростанций в США занимает в среднем около девятнадцати лет¹⁸¹, а подобные сроки плохо сочетаются с планами Австралии по быстрому переходу на низкоуглеродную энергетику. Первый атомный реактор на австралийской территории мог бы начать работу не раньше 2040 года¹⁸², что порождает серьезные сомнения в способности ядерной энергетики своевременно ответить на вызовы возможного климатического кризиса¹⁸³.

¹⁷⁷ Hurst D. Peter Dutton ramps up nuclear power push and claims Labor down “renewable rabbit hole” // The Guardian, 2023. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2023/jul/07/peter-dutton-ramps-up-nuclear-power-push-and-claims-labor-down-renewable-rabbit-hole> (accessed: 22.07.2025).

¹⁷⁸ Turnbull M. The Coalition’s nuclear power plan offers the worst of all energy worlds: higher emissions and higher electricity costs // The Guardian, 19 June 2024. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jun/19/the-coalitions-nuclear-power-plan-offers-the-worst-of-all-energy-worlds-higher-emissions-and-higher-electricity-costs> (accessed: 01.09.2025).

¹⁷⁹ CSIRO. GenCost 2023-24: final report // Commonwealth Scientific and Industrial Research Organisation (CSIRO) & Australian Energy Market Operator (AEMO), May 2024.

¹⁸⁰ Bowen C; Husic. Joint media release: GenCost confirms renewables remain cheapest form of energy, cost of nuclear reactors skyrocket // Department of Climate Change, Energy, the Environment and Water (DCCEEW), 2024. URL: <https://minister.dcceew.gov.au/bowen/media-releases/joint-media-release-gencost-confirms-renewables-remain-cheapest-form-energy-cost-nuclear-reactors-skyrocket> (accessed: 22.07.2025).

¹⁸¹ RMIT ABC Fact Check. "Chris Bowen says the average build time of a nuclear power plant in the United States has been 19 years." ABC News, 2024. URL: <https://www.abc.net.au/news/fact-check-chris-bowen-nuclear-power-plant-19-years/103611282> (accessed: 22.07.2025).

¹⁸² Department of Climate Change, Energy, the Environment and Water. "Expert report reveals nuclear impossible before 2040 and would cost up to eight times more than firmed renewables." Media release, 22. URL: <https://minister.dcceew.gov.au/bowen/media-releases/2023-24-gencost-report> (accessed: 22.07.2025).

¹⁸³ “Coalition’s brave nuke world a much harder sell after new CSIRO report”, The Guardian, 2024. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/article/2024/may/26/coalitions-brave-nuke-world-a-much-harder-sell-after-new-csiro-report> (accessed: 22.07.2025).

Общественное мнение

Австралийцы пересматривают отношение к атомной энергетике, хотя правовые и экономические барьеры остаются высокими. Опрос Lowy Institute Poll за 2023 год показал, что примерно 61 % респондентов одобрили идею использования атомной энергии как одного из источников электричества, тогда как 37 % высказались против¹⁸⁴. Общественное восприятие ядерной энергетики заметно сдвинулось, и ее все чаще рассматривают в качестве реальной альтернативы углю и газу. Антиядерное движение вместе с экологическими организациями продолжает оказывать ощутимое влияние на публичную дискуссию, из-за чего будущее отрасли пока остается неопределенным.

Энергетическая инфраструктура страны фактически лишена ядерного компонента: здесь нет ни атомных электростанций, ни предприятий по обогащению урана или переработке топлива. Федеральное законодательство устанавливает жесткие запреты в данной области, а правительство направляет основные ресурсы на развитие возобновляемой энергетики.

В то же время наличие крупнейших запасов урана, развитой исследовательской базы (ANSTO, OPAL) и растущая поддержка со стороны общества формируют предпосылки для возможного разворота в сторону атомной энергетики. Такой разворот потребует масштабных инвестиций, пересмотра законодательства и политического консенсуса, однако в условиях глобальной конкуренции за чистую энергию и роста геополитической нестабильности вероятность возвращения к этой теме в будущем остается высокой.

Военная инфраструктура Австралии

В отличие от энергетического сектора, где Австралия сохраняет «атомный вакуум», военная сфера демонстрирует совершенно иную динамику. Ключевым поворотным моментом стало заключение в сентябре 2021 года соглашения AUKUS между Австралией, США и Великобританией. Впервые в истории международного режима нераспространения две ядерные державы согласились передать третьей стране технологии военно-морской ядерной энергетики. Согласно достигнутым договоренностям, программа включает два этапа:

¹⁸⁴ Lowy Institute. Do you support or oppose Australia using nuclear power to generate electricity, alongside other sources of energy? Lowy Institute Poll – Climate Change and Energy, 2024. URL: <https://poll.lowyinstitute.org/charts/australia-using-nuclear-power-to-generate-energy> (accessed: 22.07.2025).

1. Начиная с 2030-х годов Австралия получит несколько атомных субмарин у США для временного закрытия стратегического разрыва в оборонных возможностях¹⁸⁵.
2. Строительство подводных лодок *SSN-AUKUS* – начиная с 2040-х годов, на основе британских технологий Rolls-Royce и BAE Systems, лодки будут строиться уже на австралийских верфях в Аделаиде. Проект предусматривает создание до пяти таких подлодок, что обеспечит ВМС Австралии переход на качественно новый уровень военной мощи^{186 187}.

Для реализации этой программы в стране ведется масштабное развитие инфраструктуры. Расширяется военно-морская база HMAS Stirling в Западной Австралии¹⁸⁸ для размещения и обслуживания атомных субмарин, создаются новые учебные центры для подготовки персонала, офицеры ВМС уже проходят обучение в США и Великобритании, как было указано выше, что позволяет формировать «кадровый костяк» будущего флота.

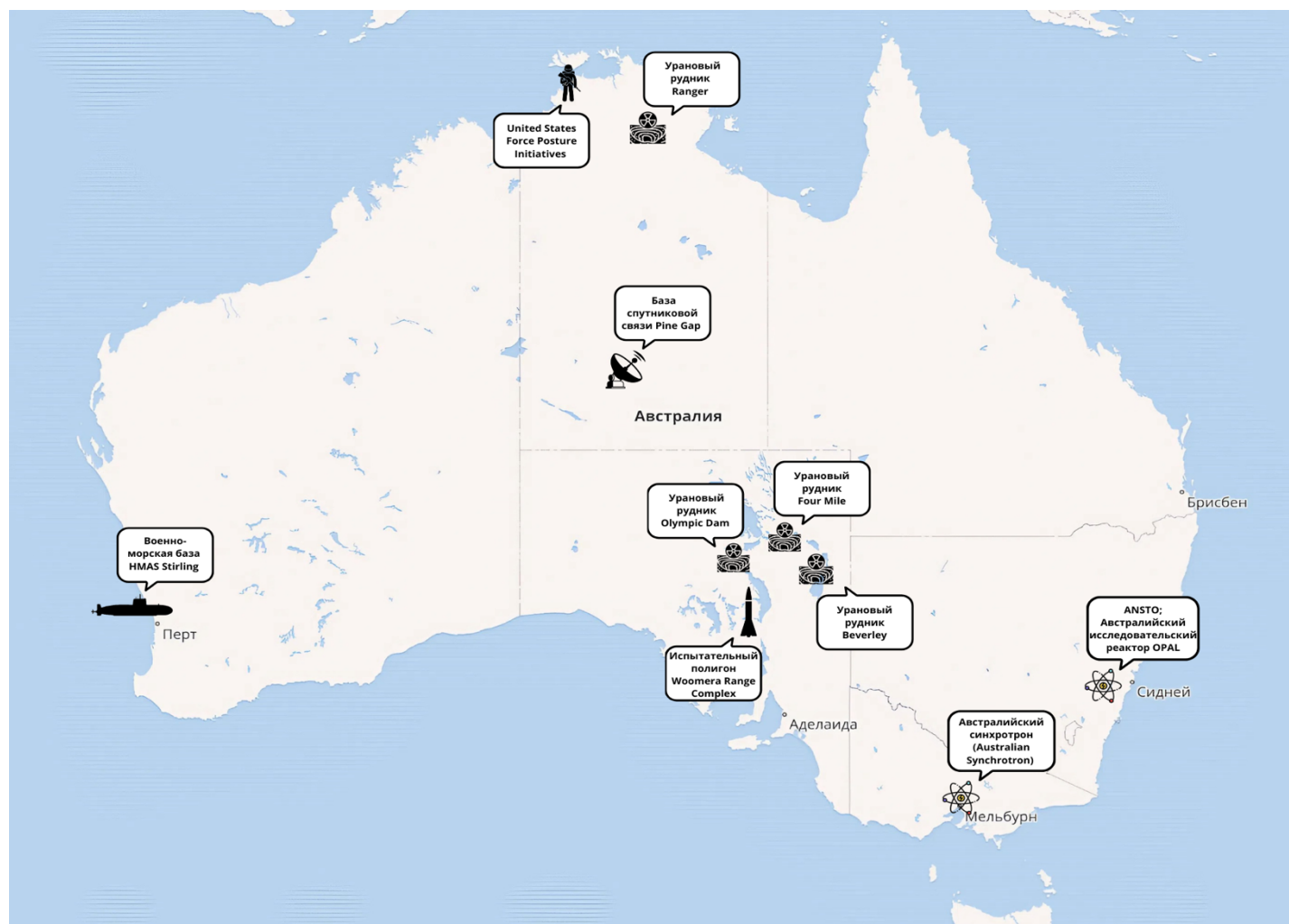
¹⁸⁵ Mills C. AUKUS submarine (SSN-A) programme: Research Briefing // House of Commons Library, 2024. URL: <https://securityanddefenceplus.plusalliance.org/wp-content/uploads/2024/05/AUKUS-Submarine-SSN-A-Programme-Research-Briefing---House-of-Commons-Library.pdf> (accessed: 11.08.2025).

¹⁸⁶ BAE Systems; ASC Pty Ltd. Australia selects BAE Systems and ASC to build sovereign nuclear-powered submarines // BAE Systems News, 2024. URL: <https://www.baesystems.com/en-us/article/australia-selects-bae-systems-and-asc-to-build-sovereign-nuclear-powered-submarines> (accessed: 11.08.2025).

¹⁸⁷ SSN-AUKUS class nuclear attack submarines (UK & Australia) // Naval Technology, 2024. URL: <https://www.naval-technology.com/projects/ssn-aukus-class-nuclear-attack-submarines-uk/> (accessed: 11.08.2025).

¹⁸⁸ Nicholson B. Subs will be bigger, better and faster // The Australian, 2024. URL: <https://www.theaustralian.com.au/special-reports/subs-will-be-bigger-better-and-faster/news-story/96c7ae4e053e73debe3cc24c8479642f> (accessed: 11.08.2025).

Особое значение в рамках AUKUS имеет разработка уникального механизма гарантий с участием МАГАТЭ, который должен исключить риск использования ядерного топлива, используемого в подводных лодках, на создание ядерного оружия. Это, пожалуй, будет первый такой случай в истории, когда МАГАТЭ разрабатывает режим контроля для ядерной пропульсии¹⁸⁹ в неядерном государстве.

Карта 1. Объекты ядерной, урановой и ракетной инфраструктуры.

Источник: составлено авторами на основе открытых источников.

2.1.3 Средства доставки

Средства доставки играют ключевую роль в любой ядерной стратегии любого государства. Даже при отсутствии собственных ядерных зарядов наличие платформ и систем, которые технически могут быть адаптированы для их применения, формирует так

¹⁸⁹ В данном случае термин ядерная пропульсия (от англ. nuclear propulsion) означает систему движения судна, подводной лодки, авианосца или космического аппарата, в которой источником энергии служит ядерный реактор.

называемый «пороговый потенциал». Австралия, традиционно отказывавшаяся от разработки ядерного оружия, все же на протяжении десятилетий рассматривала различные варианты усиления своего военного потенциала с использованием средств доставки.

Интерес Австралии к средствам доставки уходит в 1950-1970-е годы. Уже в 1956 году министр обороны Атхол Таунли рекомендовал приобрести тактическое ядерное оружие для оснащения бомбардировщиков Canberra и истребителей Sabre¹⁹⁰. В последующие годы рассматривались проекты создания собственных баллистических ракет в сотрудничестве с Великобританией¹⁹¹, а также участие в программе испытаний на полигоне Woomera в Южной Австралии.

Полигон Woomera, созданный еще в 1940-е годы как совместный проект с Великобританией, стал крупнейшим наземным испытательным комплексом в Западном мире (его площадь превышает 120 000 км²)¹⁹². Здесь тестировались британские баллистические ракеты Blue Streak и другие системы, потенциально пригодные для оснащения ядерными боеголовками. Таким образом, Австралия изначально была встроена в западные схемы разработки средств доставки, хотя так и не реализовала собственную ракетную программу¹⁹³.

Проект атомного реактора в Джервис-Бей (1969) также подразумевал возможность использования получаемого плутония для создания ядерных боеприпасов, которые могли бы быть установлены на авиационные платформы. Несмотря на то, что этот сценарий не был реализован, он показывает, что еще полвека назад средства доставки рассматривались как ключевой элемент возможного «порогового статуса» страны.

Главным направлением развития средств доставки в XXI веке стал морской компонент. Программа атомных подводных лодок в рамках AUKUS является крупнейшим оборонным проектом в истории Австралии¹⁹⁴. В 2030-х годах страна должна получить несколько атомных субмарин класса *Virginia*, закупаемых у США, – временное решение для закрытия стратегического разрыва. В 2030-х годах начнется строительство подлодок класса

¹⁹⁰ Walsh J. Surprise Down Under: The Secret History of Australia's Nuclear Ambitions // *The Nonproliferation Review*. 1997. Vol. 4, No. 1. P. 16.

¹⁹¹ Broinowski R. Australian Nuclear Weapons: The Story So Far // Nautilus Institute, Austral Policy Forum, 2006.

¹⁹² Australian Government, Department of Defence. RAAF Woomera Range Complex // Defence.gov.au, 2023. URL: <https://www.defence.gov.au/bases-locations/sa/woomera/about> (accessed: 11.08.2025).

¹⁹³ Morton P. Fire Across the Desert: Woomera and the Anglo-Australian Joint Project 1946–1980. Canberra: Department of Defence, Defence Science and Technology, 1989.

¹⁹⁴ Reuters. Australia earmarks billions for naval infrastructure, BAE wins AUKUS submarine work // Reuters, 21.03.2024. URL: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/australia-earmarks-billions-naval-infrastructure-bae-wins-aukus-submarine-work-2024-03-21/> (accessed: 11.08.2025).

SSN-AUKUS на верфях в Аделаиде с использованием британских технологий Rolls-Royce и BAE Systems¹⁹⁵.

Атомные подлодки обладают практически неограниченной дальностью плавания и способны действовать скрытно в удаленных районах. Вертикальные пусковые установки позволят разместить крылатые ракеты Tomahawk и другие ударные системы, формирующие морской компонент сдерживания¹⁹⁶. Австралия не планирует размещать ядерные заряды на официальном уровне, однако техническая совместимость платформ сохраняет подобную перспективу.

Военно-воздушные силы страны остаются ключевым элементом обороны: 72 истребителя F-35A Lightning II, стоящие на вооружении, уже прошли сертификацию в государствах НАТО для применения тактических ядерных бомб¹⁹⁷. Австралийская сторона официально не задействует данную опцию, но само присутствие таких машин обеспечивает технологическую интеграцию с союзническими стандартами. Многоцелевые истребители-бомбардировщики F/A-18F Super Hornet¹⁹⁸ вместе с самолетами радиоэлектронной борьбы EA-18G Growler¹⁹⁹ дополняют авиационный парк и существенно расширяют боевые возможности в сфере дальних ударов и подавления радиоэлектронных средств противника.

Ракетный сегмент за последние годы развивается наиболее динамично. В 2023 году Австралия заключила контракт с США на поставку более 200 крылатых ракет Tomahawk и стала первой страной за пределами НАТО, получившей доступ к этому оружию²⁰⁰. Уже в декабре 2024 года ВМС провели первый успешный пуск с эсминца HMAS Brisbane, благодаря чему Австралия присоединилась к узкому кругу государств (после США и Великобритании), способных осуществлять подобные запуски²⁰¹. Параллельно с закупками готовых систем страна участвует в перспективных разработках: программа SCiFiRE (Southern Cross Integrated Flight Research Experiment) объединяет австралийских и американских специалистов для создания гиперзвуковых ракет, способных преодолевать

¹⁹⁵ Australian Submarine Agency. Construction in South Australia // Asa.gov.au, 2023. URL: <https://www.asa.gov.au/aucus/construction-south-australia> (accessed: 11.08.2025).

¹⁹⁶ Australian Government, Department of Defence. Tomahawk missile a game changer for Navy // Defence.gov.au, 2024. URL: <https://www.defence.gov.au/news-events/news/2024-12-11/tomahawk-missile-game-changer-navy> (accessed: 11.08.2025).

¹⁹⁷ Royal Australian Air Force. F-35A Lightning II // Airforce.gov.au, 2025. URL: <https://www.airforce.gov.au/aircraft/f-35a-lightning-ii> (accessed: 11.08.2025).

¹⁹⁸ Royal Australian Air Force. F/A-18F Super Hornet // Airforce.gov.au, 2025. URL: <https://www.airforce.gov.au/aircraft/18f-super-hornet> (accessed: 16.08.2025).

¹⁹⁹ Royal Australian Air Force. EA-18G Growler // Airforce.gov.au, 2025. URL: <https://www.airforce.gov.au/aircraft/ea-18g-growler> (accessed: 16.08.2025).

²⁰⁰ Remeikis A. Australia to buy Tomahawk cruise missiles in \$1.7bn spend on long-range defence capability // The Guardian, 2023. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2023/aug/21/australia-to-buy-tomahawk-cruise-missiles-in-17bn-spend-on-long-range-defence-capability> (accessed: 16.08.2025).

²⁰¹ Australian Government, Department of Defence. Tomahawk missile a game changer for Navy // Defence.gov.au, 2024. URL: <https://www.defence.gov.au/news-events/news/2024-12-11/tomahawk-missile-game-changer-navy> (accessed: 16.08.2025).

современные системы противовоздушной и противоракетной обороны. Стремление к технологической автономии проявляется в инициативе GWEO (Guided Weapons and Explosive Ordnance Enterprise), в рамках которой Австралия возводит производственные мощности для локализации выпуска высокоточных боеприпасов, постепенно сокращая зависимость от иностранных поставок^{202 203}. Сухопутный компонент усиливается закупками американских систем HIMARS, позволяющих наносить дальнобойные удары²⁰⁴. Совокупность этих проектов закладывает фундамент для формирования мощного арсенала дальнобойных средств поражения, потенциально совместимых с ядерными боезарядами.

Помимо ракетных технологий, Австралия обращает внимание на космическое направление, активно развивая собственную индустрию с акцентом на спутниковые системы связи, навигации и разведки.

Перспективным игроком в этой сфере является компания Gilmour Space Technologies, которая разрабатывает ракеты-носители серии Eris, способные выводить на низкую орбиту до 300 кг полезной нагрузки. Пока проекты носят коммерческий характер, однако наличие инфраструктуры и компетенций открывает возможности для военного применения в будущем²⁰⁵. Бывший премьер-министр Скотт Моррисон даже предлагал рассматривать космический сегмент как стратегический и как дополнение в «третий столп» AUKUS²⁰⁶.

По уровню развития средств доставки Австралия приближается к статусу «порогового государства». Япония и Южная Корея, не имея ядерного оружия, располагают современными средствами доставки: F-35A, ракеты большой дальности, развитая оборонная промышленность. Канада в 1960-е годы рассматривала возможность получения ядерного оружия от США и имела совместимые платформы, но в итоге отказалась от этой идеи. Австралия ближе к модели Японии и Южной Кореи: союз с США обеспечивает ей доступ к современным системам вооружений, а политические обязательства ограничивают их ядерное использование.

Средства доставки Австралии развиваются по трем направлениям – морскому, авиационному и ракетному, к которым добавляется перспективный космический сегмент.

²⁰² U.S. Department of Defense. Department of Defense Announces New Allied Prototyping Initiative Effort With Australia to Continue Partnership in Developing Air Breathing Hypersonic Vehicles // Defense.gov, 2020. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/2429061/departement-of-defense-announces-new-allied-prototyping-initiative-effort-with-a/> (accessed: 16.08.2025).

²⁰³ Lockheed Martin Australia. Guided Weapons and Explosive Ordnance Enterprise (GWEO) // Lockheed Martin Australia, 2023. URL: <https://www.lockheedmartin.com/en-au/features/australian-guided-weapons-and-explosive-ordnance-enterprise.html> (accessed: 19.08.2025).

²⁰⁴ Defense Security Cooperation Agency. Australia – HIMARS Launchers, News Release Transmittal No. 22-28 // DSCA, 26.05.2022.

²⁰⁵ First Australian-made rocket crashes after 14 seconds of flight in a failed attempt to reach orbit // AP News, 2025. URL: <https://apnews.com/article/5df36f956621db85c360157400b88c09> (accessed: 19.08.2025).

²⁰⁶ Scott Morrison. Address, Australian Space Summit // ScottMorrison.com.au, 27.05.2025. URL: <https://www.scottmorrison.com.au/speeches/aus-space-25> (accessed: 19.08.2025).

Программа атомных подводных лодок AUKUS, истребители F-35A, крылатые ракеты Tomahawk и гиперзвуковые системы SCIFiRE формируют каркас «приядерного потенциала».

Даже без создания собственных ядерных зарядов Австралия получает инфраструктуру, полностью совместимую с ними. Это превращает страну в потенциальное «пороговое государство», которое в случае изменения политического курса способно за короткий срок интегрировать ядерный компонент в свои вооруженные силы.

2.2 Юридические и политические ограничения

Австралия занимает особое место в международной системе ядерных отношений. С одной стороны, страна обладает крупнейшими в мире запасами урана, современными исследовательскими реакторами и развивающейся военно-морской ядерной инфраструктурой. С другой – Канберра на протяжении десятилетий остается одним из самых последовательных сторонников режима нераспространения, активно участвует в работе МАГАТЭ и подтверждает приверженность Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Рассмотрение юридических и политических ограничений необходимо для понимания того, как далеко Австралия может продвинуться в реализации амбиций «ядерной независимости» и где проходят границы допустимого.

2.2.1 Обязательства по ДНЯО и МАГАТЭ

Австралия подписала ДНЯО в 1970 году и ратифицировала его в 1973-м, официально закрепив свой статус государства, не обладающего ядерным оружием. Это означало отказ от любых программ по созданию собственных ядерных боеприпасов и обязательство развивать ядерную энергетику исключительно в мирных целях²⁰⁷. С тех пор Канберра не только последовательно выполняет договорные обязательства, но и выступает в качестве их активного защитника.

Для выполнения этих обязательств страна заключила с Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ) всеобъемлющее соглашение о гарантиях, а в 1997 году первой среди государств Азиатско-Тихоокеанского региона подписала Дополнительный

²⁰⁷ Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. Documents on Australian Foreign Policy – Australia and the Nuclear Non-Proliferation Treaty, 1945-1974, edited by Wayne Reynolds and David Lee // DFAT, 2013. URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/australia-and-the-nuclear-non-proliferation-treaty.pdf> (accessed: 24.08.2025).

протокол, значительно усиливающий режим инспекций²⁰⁸. На практике это означает, что любые объекты ядерной инфраструктуры – от исследовательского реактора OPAL до хранилищ радиоактивных отходов – находятся под постоянным контролем инспекторов агентства. Австралийское агентство по нераспространению (ASNO), входящее в структуру Министерства иностранных дел и торговли (DFAT), координирует взаимодействие с МАГАТЭ и ведет национальный учет ядерных материалов.

Принципиально важно, что Австралия добровольно приняла на себя обязательства, выходящие за рамки базовых требований ДНЯО. Так, страна включила жесткие ограничения в собственное законодательство – Environment Protection and Biodiversity Conservation Act (1999)²⁰⁹ и Australian Radiation Protection and Nuclear Safety Act (1998)²¹⁰ прямо запрещают строительство атомных электростанций, предприятий по обогащению и переработке топлива. Тем самым Австралия закрепила статус «безъядерной державы», которая ограничивает развитие чувствительных технологий даже в энергетическом сегменте.

Особую значимость юридический аспект приобрел в контексте соглашения AUKUS. Передача технологий ядерной пропульсии подводных лодок Австралии вызвала оживленную дискуссию в экспертном сообществе, так как речь идет о поставках ядерного топлива высокой степени обогащения (HEU), которое потенциально может быть использовано в оружейных целях.

Чтобы избежать подрыва режима нераспространения, Австралия, США, Великобритания и МАГАТЭ начали разработку уникальной системы гарантий, которая должна обеспечить невозможность отвлечения топлива из реакторов подлодок. Таким образом, юридическая база страны остается тесно связанной с международными обязательствами и в ближайшее время, возможно, будет еще больше институционализирована в формате «морских гарантий»²¹¹.

²⁰⁸ International Atomic Energy Agency. Protocol Additional to the Agreement Between Australia and the Agency for the Application of Safeguards in Connection with the NPT (INFCIRC/217/Add.1) // IAEA, 1997. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/infirc217a1_rus.pdf (accessed: 24.08.2025).

²⁰⁹ Environment Protection and Biodiversity Conservation Act 1999 // Australian Government: Federal Register of Legislation, Compilation No. 62 as of 15 December 2023. URL: https://www.legislation.gov.au/C2004A00485/2023-12-15/2023-12-15/text/original/epub/OEBPS/document_1/document_1.html (accessed: 24.08.2025).

²¹⁰ Australian Radiation Protection and Nuclear Safety Act 1998 // Australian Government: Federal Register of Legislation, Compilation as of 19 April 2011. URL: <https://www.legislation.gov.au/C2004A00383/2011-04-19/text> (accessed: 24.08.2025).

²¹¹ International Atomic Energy Agency. Report by the Director General on Naval Nuclear Propulsion: Australia (GOV/INF/2024/12) // IAEA, 15 November 2024. URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/24/11/govinf2024-12.pdf> (accessed: 24.08.2025).

2.2.2 Нераспространенческая роль Австралии и дебаты вокруг AUKUS на Одиннадцатой обзорной конференции ДНЯО

Отдельного внимания заслуживает то, как Австралия позиционирует себя в глобальном режиме ядерного нераспространения на фоне реализации AUKUS. В данной работе уже отмечалось, что Австралия является участницей ДНЯО, не обладает ядерным оружием и официально не ставит перед собой задачу его создания. Вместе с тем именно программа атомных подводных лодок в рамках AUKUS делает австралийский случай особым. Канберра остается неядерным государством, но получает доступ к военно-морским ядерным технологиям, которые ранее были доступны только узкому кругу ядерных держав. Поэтому вопрос заключается не только в формальном соблюдении ДНЯО, но и в том, как Австралия объясняет свою новую роль в режиме нераспространения и как эта роль воспринимается другими участниками договора.

Особое значение в контексте AUKUS имеют не только дебаты в рамках ДНЯО, но и текущие дискуссии в МАГАТЭ, поскольку именно Агентство должно выработать практический механизм гарантий для австралийской программы военно-морской ядерной энергетики. После объявления AUKUS в сентябре 2021 года генеральный директор МАГАТЭ Рафаэль Гросси неоднократно информировал Совет управляющих о том, что Агентство будет рассматривать последствия этой инициативы в рамках своего мандата по гарантиям и нераспространению. Уже в документе GOV/INF/2022/20 было зафиксировано, что Австралия, как государство с всеобъемлющим соглашением о гарантиях, принимает гарантии МАГАТЭ на весь ядерный материал во всех мирных видах деятельности, но при этом статья 14 ее соглашения с Агентством предусматривает особую процедуру для ядерного материала, который используется в не запрещенной ДНЯО военной деятельности²¹².

Именно статья 14 стала центральным юридическим элементом дискуссии. Она не означает автоматического вывода ядерного материала из-под внимания МАГАТЭ, но предполагает разработку специальной договоренности между Австралией и Агентством. Такая договоренность должна позволить МАГАТЭ убедиться, что ядерный материал, связанный с военно-морской ядерной энергетикой, не перенаправляется на создание ядерного оружия или иных ядерных взрывных устройств. В этом смысле AUKUS создает не только политический, но и технико-правовой прецедент. Впервые неядерное государство, участник ДНЯО, должно получить атомные подводные лодки с обычным

²¹² IAEA safeguards in relation to AUKUS: GOV/INF/2022/20, 9 September 2022 // International Atomic Energy Agency. URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/2025-07/govinf2022-20.pdf> (accessed: 29.05.2026).

вооружением, а МАГАТЭ должно адаптировать режим гарантий к ситуации, где часть информации неизбежно будет иметь закрытый военный характер²¹³.

Позиция Секретариата МАГАТЭ строится на нескольких принципах. Во-первых, использование ядерного материала для военно-морской ядерной энергетики само по себе рассматривается как предусмотренная правовой рамкой возможность, если она осуществляется в строгом соответствии с действующими соглашениями о гарантиях. Во-вторых, будущая договоренность по статье 14 должна быть передана Совету управляющих МАГАТЭ для надлежащего рассмотрения. В-третьих, Агентство подчеркивает, что процесс требует времени и должен вестись на технической, беспристрастной и объективной основе²¹⁴. Поэтому дискуссия вокруг AUKUS в МАГАТЭ фактически идет по двум линиям. С одной стороны, обсуждаются конкретные технические меры верификации, а с другой вопрос о том, насколько Совет управляющих и государства-члены должны быть вовлечены в оценку такого прецедента.

В 2024 году дискуссия стала более предметной. После подписания 5 августа 2024 года трехстороннего соглашения Австралии, США и Великобритании о сотрудничестве в области военно-морской ядерной энергетики МАГАТЭ отдельно подчеркнуло, что передача Австралии ядерного материала для атомных подводных лодок невозможна до того, как будет согласована договоренность по статье 14 и созданы необходимые механизмы ее реализации²¹⁵. В заявлении Генерального директора также отмечалось, что Австралия должна использовать передаваемый ядерный материал исключительно для военно-морской ядерной энергетики, не заниматься обогащением или переработкой полученного материала, а также обеспечить МАГАТЭ доступ к информации и объектам, необходимым для выполнения его задач по гарантиям²¹⁶.

В докладе GOV/INF/2024/12 МАГАТЭ уточнило, какие именно элементы будущего режима находятся в стадии обсуждения. К ним относятся заблаговременное уведомление Агентства о передаче ядерного материала, отчетность, верификация до вступления материала в режим статьи 14, условия применения такой договоренности, ее продолжительность, а также момент, когда обычные гарантии по всеобъемлющему

²¹³ Ibid.

²¹⁴ IAEA Director General's Introductory Statement to the Board of Governors, 5 June 2023 // International Atomic Energy Agency. URL: <https://www.iaea.org/newscenter/statements/iaea-director-generals-introductory-statement-to-the-board-of-governors-5-jun-2023> (accessed: 29.05.2026).

²¹⁵ IAEA Director General Statement in Relation to the Agreement between Australia, the United Kingdom and the United States Related to Naval Nuclear Propulsion, 15 August 2024 // International Atomic Energy Agency. URL: <https://www.iaea.org/newscenter/pressreleases/iaea-director-general-statement-in-relation-to-the-agreement-between-australia-the-united-kingdom-and-the-united-states-related-to-naval-nuclear-propulsion> (accessed: 30.05.2026).

²¹⁶ Ibid.

соглашению и Дополнительному протоколу снова начнут применяться к материалу, выведенному из не запрещенной военной деятельности²¹⁷. Отдельно обсуждаются структура зон баланса материала, статус объектов и площадок, связанных с будущей программой, а также доступ Агентства к соответствующим локациям до и во время действия режима статьи 14²¹⁸.

К 2025 году МАГАТЭ уже не ограничивалось общими консультациями. В докладе GOV/INF/2025/12 было отмечено, что Австралия представила предварительную проектную информацию по новым объектам, связанным с программой военно-морской ядерной энергетики, а Агентство провело технический визит на военно-морскую базу и проверку проектной информации на заявленной площадке будущего строительства подводных лодок²¹⁹. В феврале 2025 года МАГАТЭ провело в Вене двухдневное настольное учение с участием сторон, где обсуждались модели определения площадок, объектов и зон баланса материала для австралийской программы²²⁰. Кроме того, Агентство продолжило деятельность в Австралии, включая дополнительный доступ, отбор проб окружающей среды, мониторинг открытых источников и анализ спутниковых снимков соответствующих заявленных локаций²²¹. Это показывает, что речь идет уже не только о политических заверениях AUKUS, а о формировании конкретной практики верификации.

Однако среди государств-членов МАГАТЭ сохраняются серьезные разногласия. Китай с 2022 года последовательно продвигает тезис о том, что сотрудничество Австралии, США и Великобритании по атомным подводным лодкам создает риск передачи ядерного материала военного качества неядерному государству и требует межправительственного обсуждения, а не только закрытых консультаций между Секретариатом и Австралией²²². Россия, Куба, Никарагуа, Венесуэла и ряд других государств также выражали озабоченность тем, что AUKUS может стать негативным прецедентом для режима гарантий и стимулировать другие государства к развитию военно-морских ядерных программ под прикрытием статьи 14²²³. В их аргументации главный риск заключается в том, что ядерный материал, используемый в подводных лодках, может оказаться вне стандартных процедур

²¹⁷ Naval nuclear propulsion: Australia: GOV/INF/2024/12, 15 November 2024 // International Atomic Energy Agency. URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/24/11/govinf2024-12.pdf> (accessed: 30.05.2026).

²¹⁸ Ibid.

²¹⁹ Naval nuclear propulsion: Australia: GOV/INF/2025/12, 12 November 2025 // International Atomic Energy Agency. URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/govinf2025-12.pdf> (accessed: 30.05.2026).

²²⁰ Ibid.

²²¹ Ibid.

²²² Record of the Tenth Meeting: GC (66)/OR.10, 30 September 2022 // International Atomic Energy Agency. URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/gc/gc66-or10-prl.pdf> (accessed: 30.05.2026).

²²³ Record of the Ninth Meeting: GC (68)/OR.9, 19 September 2024 // International Atomic Energy Agency. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/gc/gc68-or9_0.pdf (accessed: 30.05.2026).

контроля на значительный период времени, а сама программа будет сочетать в себе военный аспект, закрытую информацию и чувствительные ядерные технологии.

Более умеренную позицию занимают государства, которые признают правовую возможность военно-морской ядерной энергетики, но требуют максимальной прозрачности. Так, Египет в 2025 году подчеркнул, что AUKUS должен реализовываться в полном соответствии с соглашениями о гарантиях и духом ДНЯО, а любые гарантии по этой программе будут иметь прецедентное значение для всей системы МАГАТЭ. Египет также указал, что Совет управляющих должен получать регулярную и прозрачную информацию о переговорах по статье 14 и о технических мерах, связанных с обслуживанием атомных подводных лодок на территории Австралии²²⁴. Европейский союз, напротив, выразил доверие технической роли МАГАТЭ, поддержал работу Секретариата и подчеркнул, что Совет управляющих должен принять надлежащие действия после завершения договоренности по статье 14²²⁵.

Австралия, США и Великобритания отвечают на критику несколькими аргументами. Во-первых, они подчеркивают, что австралийские подводные лодки будут оснащены обычным вооружением и не будут нести ядерное оружие. Во-вторых, Австралия заявляет, что не будет заниматься обогащением урана, переработкой отработавшего топлива или производством ядерного топлива для этой программы. В-третьих, ядерное топливо должно поставляться в виде готовых сварных энергетических установок, что, снижает риск доступа Австралии к чувствительным стадиям топливного цикла²²⁶. В-четвертых, стороны утверждают, что передача ядерного материала не начнется до согласования договоренности по статье 14 с МАГАТЭ²²⁷.

Таким образом, актуальная дискуссия в МАГАТЭ вокруг AUKUS не сводится к вопросу о том, нарушает ли Австралия ДНЯО формально. Более важным является вопрос о том, каким будет новый режим гарантий для военно-морской ядерной энергетики неядерного государства. Для сторонников AUKUS этот кейс может стать примером «самого высокого стандарта нераспространения», при котором чувствительная военная программа

²²⁴ Record of the Tenth Meeting: GC (69)/OR.10, 19 September 2025 // International Atomic Energy Agency. URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/gc/gc69-or10.pdf> (accessed: 30.05.2026).

²²⁵ EU Statement at IAEA Board of Governors on Australia's Naval Nuclear Propulsion, as delivered on 20 November 2024 // European External Action Service. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/vienna-international-organisations/eu-statement-iaea-board-governors-australias-naval-nuclear-propulsion-delivered-20-november-2024_en (accessed: 30.05.2026).

²²⁶ Nuclear safeguards and the NPT: AUKUS Side Event, May 2025 // Australian Embassy and Permanent Mission to the United Nations in Vienna. URL: <https://austria.embassy.gov.au/vien/NPTPrepComSideEvent2025.html> (accessed: 30.05.2026).

²²⁷ Statement by Australia to the 69th Regular Session of the IAEA General Conference, 17 September 2025 // International Atomic Energy Agency. URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/25/09/gc69-statement-australia.pdf> (accessed: 30.05.2026).

остается под контролем МАГАТЭ. Для критиков, напротив, он создает опасную лауну. Ядерный материал военного характера может использоваться в закрытой военной программе неядерного государства, а универсального механизма проверки пока не существует. Поэтому AUKUS следует рассматривать как один из наиболее важных современных тестов для гибкости и устойчивости системы гарантий МАГАТЭ.

Одиннадцатая обзорная конференция ДНЯО, проходившая в Нью-Йорке с 27 апреля по 22 мая 2026 года, стала важной площадкой для проверки этой аргументации. Конференция завершилась без согласованного итогового документа, что само по себе показало глубину разногласий между участниками²²⁸. Австралия, после завершения конференции, выразила разочарование тем, что государства-участники не смогли достичь консенсуса по трем основным «столпам» ДНЯО – разоружению, нераспространению и мирному использованию атомной энергии. При этом Канберра вновь заявила, что ДНЯО остается для нее центральным элементом международной безопасности и основой движения к миру без ядерного оружия²²⁹.

На пленарном заседании Австралия постаралась представить себя не как источник проблемы, а как ответственного участника режима. В национальном заявлении подчеркивалось, что ДНЯО является главным международным инструментом, который ограничивает распространение ядерного оружия и снижает риск ядерной катастрофы. Австралийская делегация связала актуальность договора с ухудшением международной обстановки: ростом стратегического соперничества, кризисом контроля над вооружениями, ядерными угрозами, а также наращиванием ядерных потенциалов в Индо-Тихоокеанском регионе без достаточной прозрачности. Последний тезис явно отражал обеспокоенность Канберры политикой Китая, хотя прямо Пекин в этом фрагменте не назывался²³⁰.

В австралийской позиции на пленарном заседании было важно и то, что Канберра связала собственную репутацию в области нераспространения с прозрачностью программы AUKUS. Австралия заявила, что доверие к режиму нераспространения строится через прозрачность и подотчетность, и именно поэтому она намерена реализовывать проект атомных подводных лодок в тесной координации с МАГАТЭ. Канберра подчеркнула, что AUKUS должен соответствовать «самому высокому стандарту нераспространения» и не подрывать, а укреплять режим ДНЯО. Одновременно Австралия выступила за вступление

²²⁸ Statement on the 2026 Nuclear Non-Proliferation Treaty Review Conference // Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. 23 May 2026. URL: <https://www.dfat.gov.au/news/news/statement-2026-nuclear-non-proliferation-treaty-review-conference> (accessed: 02.06.2026).

²²⁹ Ibid.

²³⁰ Australia's National Statement to the 11th NPT RevCon Plenary // Permanent Mission of Australia to the United Nations. New York. 27 April 2026. URL: https://unmy.mission.gov.au/unmy/260427_NPT_National_Statement.html (accessed: 02.06.2026).

в силу ДВЗЯИ, начало переговоров по договору о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия и развитие механизмов верификации ядерного разоружения²³¹.

В главных комитетах эта линия была развита более технически. В рамках обсуждения мирного использования атомной энергии Австралия делала акцент на том, что ДНЯО не только ограничивает распространение ядерного оружия, но и создает правовую основу для безопасного и контролируемого использования ядерной науки и технологий. Канберра напомнила о праве государств на развитие мирной атомной деятельности при соблюдении статей I и II ДНЯО, о поддержке программ технического сотрудничества МАГАТЭ, о роли австралийского исследовательского реактора OPAL, а также о значении Австралии как крупного и надежного поставщика урана при соблюдении гарантий МАГАТЭ и Дополнительного протокола²³².

Наиболее подробно аргументация по AUKUS была изложена в рабочем документе Австралии, США и Великобритании, представленном к конференции. В нем три государства заявили, что соглашение полностью соответствует ДНЯО, Договору Раротонга о безъядерной зоне в южной части Тихого океана и системе гарантий МАГАТЭ. Ключевой тезис заключался в том, что Австралия не стремится к получению ядерного оружия, а США и Великобритания не будут помогать ей в его приобретении. Единственным «ядерным» элементом программы, по их версии, является энергетическая установка подводных лодок²³³.

Дополнительно подчеркивалось, что Австралия не будет производить ядерное топливо, заниматься обогащением урана или переработкой отработавшего топлива. Ядерный материал должен передаваться в виде полностью сваренных энергетических блоков, не требующих дозаправки в течение всего срока службы подлодки. По логике партнеров AUKUS, это должно снизить риск изъятия ядерного материала и его использования в военных целях. При этом стороны ссылались на статью 14 типового соглашения о всеобъемлющих гарантиях МАГАТЭ, которая допускает особый порядок

²³¹ Ibid.

²³² 11th Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Main Committee III Statement. Australia. 4 May 2026 // United Nations Office for Disarmament Affairs. URL: https://docs-library.unoda.org/Treaty_on_the_NonProliferation_of_Nuclear_Weapons_EleventhReview_Conference_%282026%29/Australia.pdf (accessed: 02.06.2026).

²³³ Australia's Naval Nuclear Propulsion Program: Working paper submitted by Australia, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the United States of America. NPT/CONF.2026/WP.5. 2 March 2026 // United Nations Office for Disarmament Affairs. URL: https://docs-library.unoda.org/Treaty_on_the_Non-Proliferation_of_Nuclear_Weapons_-EleventhReview_Conference_%282026%29/NPT_CONF.2026_WP.05_-_05_ADVANCE_AUKUS_-_Naval_Nuclear.pdf (accessed: 02.06.2026).

обращения с ядерным материалом, используемым в не запрещенной договором военной деятельности, не связанной с ядерным оружием²³⁴.

Австралия также использовала собственную историю взаимодействия с МАГАТЭ. В материалах отмечалось, что Австралия одной из первых ратифицировала Дополнительный протокол и на протяжении многих лет получает от МАГАТЭ расширенный вывод о том, что весь ядерный материал в стране используется в рамках мирной деятельности. Более того, Канберра, Вашингтон и Лондон утверждали, что обсуждение будущего механизма гарантий с МАГАТЭ должно носить технический, а не политизированный характер. По их мнению, попытки превратить этот вопрос в межгосударственный политический спор могут создать негативный прецедент вмешательства в полномочия агентства²³⁵.

Однако именно этот тезис стал одним из главных объектов критики со стороны Китая. Пекин на конференции выступил наиболее жестким оппонентом AUKUS. В китайском заявлении на пленарном заседании говорилось, что государства, находящиеся под «ядерным зонтиком», должны не расширять практики ядерного сдерживания, а способствовать разоружению и снижению зависимости от ядерного оружия. Китайская делегация отдельно призвала сохранять бдительность в отношении рисков распространения, связанных с передачей Австралии атомных подводных лодок в рамках AUKUS, и выступила против двойных стандартов, подрывающих стратегическую стабильность²³⁶.

В II Главном комитете, посвященном нераспространению, китайская критика была еще более конкретной. Китай заявил, что AUKUS предполагает беспрецедентную передачу реакторов атомных подводных лодок и значительных объемов высокообогащенного урана от ядерных государств неядерному государству. По оценке Пекина, это противоречит целям и духу ДНЯО, создает серьезные риски распространения и подрывает доверие неядерных государств к режиму нераспространения. Китай также настаивал на том, что вопрос не может решаться только Австралией, США, Великобританией и Секретариатом МАГАТЭ. По его мнению, необходим открытый межправительственный процесс с участием всех государств-членов агентства и принятие решений на основе консенсуса²³⁷.

²³⁴ Ibid.

²³⁵ Ibid.

²³⁶ Statement by Sun Xiaobo, Director-General of the Department of Arms Control of the Foreign Ministry of China at the General Debate of the Eleventh Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT) // Permanent Mission of the People's Republic of China to the UN. 8 May 2026. URL: https://un.china-mission.gov.cn/eng/chinaandun/202605/t20260509_11907525.htm (accessed: 02.06.2026).

²³⁷ Statement by Amb. SHEN Jian of the People's Republic of China at the Main Committee II (Nuclear Non-Proliferation) of the Eleventh Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT) // Permanent Mission of the People's Republic of China to the UN. 8 May 2026. URL: https://un.china-mission.gov.cn/eng/chinaandun/202605/t20260509_11907535.htm (accessed: 02.06.2026).

Эта позиция была закреплена и в китайских предложениях к итоговому документу конференции. Китай предложил прямо зафиксировать обеспокоенность по поводу военно-морского ядерного сотрудничества AUKUS, заявив, что действующие механизмы гарантий МАГАТЭ не способны эффективно контролировать такие материалы. Пекин также призвал ядерные государства не передавать неядерным государствам оружейные ядерные материалы, технологии и оборудование для использования в военных целях. Тем самым Китай пытался перевести AUKUS из категории технического вопроса гарантий в категорию системного вызова ДНЯО²³⁸.

Россия также выступила с критикой AUKUS, хотя ее аргументация была менее развернутой, чем китайская. В заявлении по блоку вопросов нераспространения и гарантий МАГАТЭ российская делегация подчеркнула, что система гарантий должна оставаться объективной, технически обоснованной и неполитизированной. При этом Москва указала, что AUKUS предполагает размещение военной инфраструктуры ядерных держав на территории Австралии – неядерного государства и участника безъядерной зоны в южной части Тихого океана. По оценке России, это может осложнить ситуацию в Азиатско-Тихоокеанском регионе и создать дополнительную нагрузку на систему гарантий МАГАТЭ²³⁹.

С формально-правовой точки зрения позиция Австралии выглядит достаточно сильной. ДНЯО прямо не запрещает неядерному государству использовать ядерную энергию для военно-морских целей, если такая деятельность не связана с созданием ядерного оружия. Более того, статья 14 соглашения о всеобъемлющих гарантиях МАГАТЭ действительно предусматривает возможность особого порядка для ядерного материала, используемого в не запрещенной военной деятельности. Если Австралия не получит доступа к технологиям обогащения, переработки и производства топлива, а ядерные энергетические блоки будут поставляться в закрытом виде и находиться под согласованным режимом контроля, прямое нарушение ДНЯО доказать будет трудно²⁴⁰.

Однако политико-нормативные опасения Китая и России нельзя полностью игнорировать. Главная проблема AUKUS состоит не в том, что Австралия завтра создаст

²³⁸ Ibid.

²³⁹ Statement by the Delegation of the Russian Federation at the 2026 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Unofficial translation // United Nations Office for Disarmament Affairs. 2026. URL: https://docs-library.unoda.org/Treaty_on_the_Non-Proliferation_of_Nuclear_Weapons_-_EleventhReview_Conference_%282026%29/Russian_Federation_engl_0.pdf (accessed: 02.06.2026).

²⁴⁰ Australia's Naval Nuclear Propulsion Program: Working paper submitted by Australia, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the United States of America. NPT/CONF.2026/WP.5. 2 March 2026 // United Nations Office for Disarmament Affairs. URL: https://docs-library.unoda.org/Treaty_on_the_Non-Proliferation_of_Nuclear_Weapons_-_EleventhReview_Conference_%282026%29/NPT_CONF.2026_WP.05_-_05_ADVANCE_AUKUS_-_Naval_Nuclear.pdf (accessed: 02.06.2026).

ядерное оружие. Такой сценарий на данном этапе маловероятен. Проблема в другом. Создается первый прецедент, при котором неядерное государство получает доступ к военно-морской ядерной энергетике и к потенциально чувствительным материалам. Даже если австралийский кейс будет максимально прозрачным, другие государства в будущем могут ссылаться на него для обоснования собственных программ атомных подводных лодок уже в гораздо менее прозрачных политических условиях.

Следовательно, AUKUS одновременно усиливает и осложняет нераспространенческую роль Австралии. Канберра стремится доказать, что неядерное государство может получить доступ к сложным ядерным технологиям без перехода к ядерному оружию и без нарушения ДНЯО.

2.2.3 Возможные изменения в национальной политике и международных договоренностях

Австралийский политический дискурс, несмотря на декларируемую приверженность режиму нераспространения, периодически обращается к идее пересмотра национальных подходов к ядерной сфере.

Такие предложения неоднократно делались в течение послевоенного периода развития государства. Еще в 1950-х годах министр обороны Атолл Таунли выступал с предложением закупить тактическое ядерное оружие. В 1969 году премьер-министр Джон Гортон дал старт строительству реактора в Джервис-Бей, а Филип Бакстер, глава Австралийской комиссии по атомной энергии, последовательно отстаивал необходимость создания инфраструктуры для производства плутония. Все эти проекты закрыты, но именно они заложили традицию «тайных дискуссий» о возможном ядерном статусе страны.

Рост китайского ядерного арсенала и возобновление ядерной активности Северной Кореи выступают наиболее заметными факторами, подталкивающими к пересмотру данной политики. Министр обороны Ричард Марлз на конференции Shangri-La Dialogue в 2025 году предупредил о «новом цикле ядерного распространения» и обозначил сопряженные с этим риски для австралийской безопасности. Он вновь подтвердил приверженность ДНЯО, однако сама постановка вопроса свидетельствует о постепенном усилении озабоченности стратегическим окружением страны внутри политических элит²⁴¹.

²⁴¹ Dumas D. Richard Marles welcomes US commitment to Indo-Pacific in face of China's military buildup // The Guardian, 2025. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2025/may/31/richard-marles-welcomes-us-commitment-to-indo-pacific-in-face-of-chinas-military-buildup> (accessed: 24.08.2025).

Одновременно в правительстве обсуждается возможность присоединения Австралии к Договору о запрещении ядерного оружия (TPNW). Министр иностранных дел Пенни Вонг в 2023 году заявляла, что этот вариант рассматривается как часть национальной политики в области нераспространения. Однако внутри правительства нет консенсуса: сторонники альянса с США опасаются, что присоединение к TPNW будет противоречить обязательствам Австралии в рамках ядерного зонтика и AUKUS. Таким образом, перспектива подписания договора остается неопределенной и во многом зависит от соотношения сил внутри политической элиты²⁴².

Возможные изменения в международных договоренностях связаны прежде всего с AUKUS. Если механизм гарантий для ядерной пропульсии будет согласован с МАГАТЭ, это создаст новый прецедент в международном праве и потенциально изменит баланс обязательств для других стран, желающих получить атомные подлодки. Австралия в этом случае станет «испытательным полигоном» для выработки нового стандарта, совмещающего право на развитие военной ядерной энергетики и жесткие требования режима нераспространения.

Юридические и политические ограничения являются фундаментальным фактором, сдерживающим развитие ядерной независимости Австралии. На сегодняшний день страна остается в полной мере приверженной ДНЯО и соглашениям МАГАТЭ, а ее национальное законодательство закрепляет отказ от чувствительных технологий топливного цикла. Политическая элита в Австралии смотрит на ядерную сферу с точки зрения альянсов и коллективной безопасности. Стремление к автономии в этом случае занимает второстепенное положение. Но на фоне региональной нестабильности и усиления китайского влияния дискуссии о пересмотре сложившихся подходов становятся все более заметными.

Среди вероятных сценариев развития выделяются несколько направлений. Поэтапное смягчение законодательных ограничений ради развития мирного атома, более активное участие в многосторонних инициативах вроде ДЗЯО, придания особого статуса государству, которое остается безъядерным, но при этом располагает соответствующими компетенциями в рамках партнерства AUKUS.

Юридическая и политическая среда порождает неоднозначную ситуацию. Де-юре Австралия сохраняет статус полностью безъядерного государства. Де-факто на практике располагает потенциалом и инфраструктурой, способными при изменении

²⁴² International Campaign to Abolish Nuclear Weapons (ICAN). Australia hasn't joined the TPNW yet, but the government is "considering the TPNW systematically and methodically..." // ICAN, 2025. URL: <https://www.icanw.org/australia> (accessed: 24.08.2025).

внешнеполитической конъюнктуры или внутренних условий трансформироваться в основу для более высокого уровня стратегической автономии.

2.3 Экономические и технологические барьеры

Австралия располагает уникальным сочетанием условий для создания собственной ядерной программы, поскольку страна владеет крупнейшими в мире запасами урана, развитой исследовательской инфраструктурой (ANSTO, реактор OPAL) и наблюдает рост общественной поддержки мирного атома. Путь к ядерной независимости остается чрезвычайно сложным. Технические компетенции и кадровый потенциал не создают главных препятствий – барьеры носят экономический и технологический характер.

Формирование национальной атомной программы влечет за собой колоссальную финансовую нагрузку, а страна активно вкладывает средства в возобновляемую энергетику, что делает строительство АЭС экономически нецелесообразным решением на данном этапе.

Военные расходы еще масштабнее: программа атомных подводных лодок в рамках AUKUS оценивается в 368 млрд австралийских долларов на перспективу тридцати лет, что делает ее самым дорогостоящим оборонным проектом в истории страны. Затраты включают закупку и строительство субмарин, модернизацию базы HMAS Stirling, создание учебных центров, формирование систем технического обслуживания и логистической поддержки.

Эксплуатация атомного флота потребует постоянного финансирования: высококвалифицированный персонал, обеспечение радиационной безопасности, утилизация отработавшего топлива в будущем.

Второе фундаментальное препятствие связано с зависимостью от зарубежных технологий. Австралия, обладая крупнейшими в мире запасами урана, не имеет собственного обогащающего и перерабатывающего цикла. Федеральное законодательство прямо запрещает строительство таких предприятий, что вынуждает страну полностью полагаться на поставки технологий и услуг от партнеров. В энергетике это делает Австралию «сырьевым придатком» глобального ядерного рынка, а в военной сфере – «младшим партнером» в альянсе с США и Великобританией. Так, реакторные установки для подлодок *SSN-AUKUS* будут производиться британской компанией Rolls-Royce, а ядерное топливо поставляться в готовом виде без права переработки или локального производства.

Таким образом, экономические и технологические ограничения формируют своеобразный «потолок возможностей» для Австралии. Даже при наличии политической

воли страна в ближайшие десятилетия вряд ли сможет претендовать на полную автономию в ядерной сфере. Она будет оставаться в промежуточном положении: с одной стороны – мощный сырьевой и научный потенциал, с другой – стратегическая зависимость от союзников и отсутствие экономической целесообразности для масштабных национальных программ.

2.3.1 Финансовая нагрузка на реализацию независимой ядерной программы

Главным препятствием для развития атомной энергетики в Австралии остается ее высокая стоимость в сравнении с альтернативными источниками. Согласно отчету GenCost 2023-24, подготовленному CSIRO совместно с АЕМО²⁴³, себестоимость электроэнергии от малых модульных реакторов выше за мегаватт-час, чем электроэнергия от ветровых и солнечных станций за мегаватт-час. Таким образом, атомная генерация оказывается примерно в восемь раз дороже возобновляемых источников.

Кроме того, атомная энергетика отличается длительными сроками реализации проектов. Даже при принятии политического решения и снятии законодательных ограничений на строительство АЭС, на проектирование, лицензирование, строительство и ввод в эксплуатацию первой станции потребуется не менее 15-20 лет. Министр энергетики Австралии Крис Боуэн в 2024 году отметил, что «атомная энергетика слишком медленная и слишком дорогая для нашей страны». Это высказывание отражает позицию правительства, которое считает атомные проекты неэффективными в условиях необходимости ускоренного перехода к низкоуглеродной энергетике²⁴⁴.

Суммарные капитальные затраты на строительство даже одного блока АЭС могут исчисляться десятками миллиардов долларов. Для сравнения: по оценкам CSIRO, стоимость одного крупного реактора (1-1,2 ГВт) может превышать 9 млрд AUD²⁴⁵. В условиях, когда энергетический рынок страны ориентирован на дешевые ВИЭ, эти вложения выглядят крайне рискованными.

Еще более значительными являются расходы на реализацию программы атомных подводных лодок AUKUS. По данным австралийского Министерства обороны, общая стоимость проекта может составить 368 млрд AUD в течение 30 лет. Это крупнейший

²⁴³ CSIRO. GenCost 2023-24: final report // Commonwealth Scientific and Industrial Research Organisation (CSIRO) & Australian Energy Market Operator (AEMO), May 2024.

²⁴⁴ ABC News. Nuclear energy far too expensive: Chris Bowen // ABC Listen (AM), 2024. URL: <https://www.abc.net.au/listen/programs/am/nuclear-energy-far-too-expensive-chris-bowen/103877200> (accessed: 26.08.2025).

²⁴⁵ Building nuclear power plants in Australia could cost double CSIRO predictions, energy experts warn // The Guardian, 2024. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2024/dec/12/building-nuclear-power-plants-australia-cost-csiro-predictions> (accessed: 26.08.2025).

оборонный контракт в истории страны, сопоставимый по масштабу с годовым ВВП некоторых государств. Эти расходы включают:

- закупку и строительство атомных подлодок (первоначально класса *Virginia*, затем *SSN-AUKUS*);
- создание береговой инфраструктуры, включая расширение базы HMAS Stirling в Западной Австралии;
- строительство учебных центров для подготовки экипажей и инженерного персонала;
- создание систем ремонта, технического обслуживания и логистики.

Сама эксплуатация атомных субмарин обходится значительно дороже дизель-электрических аналогов. Помимо затрат на реакторные установки, Австралия обязана содержать квалифицированный персонал, обеспечивать строгую систему радиационной безопасности и обращения с ядерными материалами, а также решать вопрос утилизации отработавшего топлива и снятия лодок с эксплуатации в будущем.

В условиях, когда программа растянута на десятилетия, экономические риски возрастают: затраты могут оказаться выше запланированных, а конечные сроки реализации – сдвинутыми. Таким образом, даже с поддержкой союзников, AUKUS станет долговременной нагрузкой на австралийский бюджет.

Инвестиции в ядерные проекты – будь то энергетика или военная инфраструктура – неизбежно конкурируют с другими приоритетами национальной экономики. Главным из них является развитие возобновляемой энергетики, которая рассматривается правительством как основа «зеленого перехода».

Согласно прогнозу Climate Change Authority, к 2030 году более 84 % электроэнергии в Австралии должно поступать из солнечных и ветровых источников²⁴⁶, а к 2050 году – практически 100 %. Это означает, что каждый доллар инвестиций в атомные проекты будет восприниматься как отвлечение ресурсов от возобновляемых технологий, которые дешевле, быстрее в реализации и политически более приемлемы.

Дополнительным фактором является общественное мнение. Несмотря на постепенное смягчение антиядерных настроений, атомная энергетика все еще вызывает споры, в то время как солнечные и ветровые станции пользуются поддержкой большинства австралийцев. Это создает риск политических издержек для партий, поддерживающих ядерные инициативы.

²⁴⁶ Climate Change Authority. *Unlocking Australia's clean energy potential. Supplement to the 2024 Annual Progress Report*, 2025. Canberra: Commonwealth of Australia. P 16.

В долгосрочной перспективе ядерные проекты также могут замедлить выполнение международных обязательств Австралии по сокращению выбросов CO₂: пока будет строиться первая АЭС, возобновляемая энергетика сможет обеспечить сопоставимые объемы генерации при меньших затратах и в более короткие сроки.

Финансовая нагрузка на реализацию независимой ядерной программы Австралии является одной из главных причин ее ограниченности. В энергетике атомные станции проигрывают возобновляемым источникам по стоимости и срокам реализации, а в военной сфере расходы на программу AUKUS станут долговременным бременем для национального бюджета.

Таким образом, экономический фактор в совокупности с технологической зависимостью (рассматриваемой в следующем разделе) серьезно сдерживает формирование подлинной ядерной независимости Австралии, превращая ее скорее в «ядерного клиента» союзников, чем в самостоятельного игрока.

2.3.2 Зависимость от технологий и ресурсов партнеров (США, Великобритания)

Хотя Австралия и обладает крупнейшими в мире разведанными запасами урана, как уже было сказано, около 28 % мировых ресурсов, она не располагает полноценным ядерным топливным циклом. Все этапы после добычи урановой руды, включая конверсию, обогащение, фабрикацию топлива, а также переработку и хранение отработавшего ядерного топлива (ОЯТ), в стране отсутствуют. Федеральное законодательство прямо запрещает строительство таких объектов (законы Environment Protection and Biodiversity Conservation Act (1999)²⁴⁷ и Australian Radiation Protection and Nuclear Safety Act (1998)²⁴⁸) накладывают жесткие ограничения на создание предприятий по обогащению и переработке урана.

По сути, Австралия является просто экспортером сырья. Уран добывается на крупных месторождениях страны и весь уходит на экспорт. Страна полностью зависит от иностранных компаний и технологий по переработке и обогащению.

Австралия, решившись на полноценную ядерную программу (будь то энергетическую или военную), неизбежно окажется перед развилкой. Можно выстраивать собственные мощности по обогащению и переработке урана, но тогда придется перекраивать законодательство, вкладывать миллиарды и ждать десятилетия, пока объекты

²⁴⁷ Environment Protection and Biodiversity Conservation Act 1999 // Australian Government: Federal Register of Legislation, Compilation No. 62 as of 15 December 2023. URL: https://www.legislation.gov.au/C2004A00485/2023-12-15/2023-12-15/text/original/epub/OEBPS/document_1/document_1.html (accessed: 26.08.2025).

²⁴⁸ Australian Radiation Protection and Nuclear Safety Act 1998 // Australian Government: Federal Register of Legislation, Compilation as of 19 April 2011. URL: <https://www.legislation.gov.au/C2004A00383/2011-04-19/text> (accessed: 26.08.2025).

пройдут лицензирование и начнут работать. Альтернатива – полагаться на зарубежных партнеров: США, Францию, Великобританию или Японию.

Такая модель привязывает национальную программу к чужим внешнеполитическим расчетам. Внутренние барьеры (политические и экономические) блокируют первый путь, тогда как второй обрекает страну на стратегическую уязвимость.

Программа атомных подводных лодок AUKUS наглядно демонстрирует подобную зависимость. Реакторы для будущих *SSN-AUKUS* разрабатывает британская Rolls-Royce, ключевые системы вооружения и управления поставляют американские подрядчики, а ядерное топливо Австралия не получит права производить или перерабатывать самостоятельно. По договоренности с партнерами оно будет поставляться в готовом виде, герметично запаянное в реакторные блоки, которые не предназначены для вскрытия или перезагрузки на протяжении всего срока службы лодки. Австралия сможет эксплуатировать подлодки, но контроль над полным циклом ядерного обеспечения останется за союзниками. Решение минимизировать риски распространения одновременно высвечивает ограниченность австралийской автономии. Страна, даже располагая атомным флотом, фактически лишена доступа к наиболее чувствительным технологиям и остается зависимой от партнеров.

Австралия активно развивает оборонную промышленность. Создаются производственные мощности для строительства ракет по программе Guided Weapons and Explosive Ordnance Enterprise, наращивается выпуск артиллерийских снарядов, модернизируются верфи для строительства подводных лодок. При этом возможности страны в ядерной области крайне ограничены. Такие масштабные проекты, как GWEO, предполагают значительную зависимость от Соединенных Штатов. Отдельные этапы сборки проходят на территории Австралии, тогда как критические компоненты по-прежнему импортируются. Аналогичная картина складывается в программе SCiFiRE (Southern Cross Integrated Flight Research Experiment), представляющей собой австралийско-американский проект по созданию технологий гиперзвуковых ракет. Австралийские исследовательские центры (University of Queensland, DSTG) участвуют в совместных разработках с американскими партнерами, но основные технологии остаются у американских фирм. Австралия накапливает опыт и получает доступ к перспективным разработкам, но ключевые ноу-хау для нее закрыты.

Военный сектор закрепляет за страной статус младшего партнера. Технологии поступают в обмен на политическую и военную лояльность. Например, Япония и Южная Корея располагают мощными научными и промышленными базами, но сохраняют зависимость от США в ядерной области. Канада, создавшая реактор CANDU и развившая

полноценную атомную энергетику, полностью встроена в западную систему миропорядка. Австралия в этом ряду оказывается еще более уязвимой. У нее нет АЭС, собственного топливного цикла. Зависимость от партнеров носит технологический и институциональный характер, закреплённый в национальном законодательстве и международных соглашениях.

В совокупности экономические и технологические ограничения существенно сужают возможности достижения ядерного суверенитета Австралией. Несмотря на значительный потенциал ресурсов и научные разработки, она все-таки зависит от США и Великобритании. Отсутствие собственного топливного цикла не позволяет замкнуть «ядерную цепочку» на своей территории, а программа AUKUS закрепляет эту зависимость в ключевых вопросах, охватывающих поставки реакторов, обеспечение топливом, передачу критических знаний и подготовку кадров. Ограниченность национального военно-промышленного комплекса лишает страну возможности самостоятельно воспроизводить критически важные технологии.

Австралия по-прежнему остается державой, зависящей от ядерных технологий союзников: ее самостоятельность существенно ограничена как обязательствами перед партнерами, так и необходимостью получать доступ к иностранным разработкам. Чтобы превратиться в полноценного автономного игрока ядерной сферы, стране пришлось бы радикально пересмотреть законодательство, вложить миллиарды долларов и проявить устойчивую политическую волю. Подобный сценарий в ближайшие десятилетия представляется маловероятным.

Выводы и рекомендации

Перспективы ядерной независимости Австралии в рамках альянса AUKUS имеют достаточно противоречивый характер. В настоящее время страна стоит на пороге нового этапа стратегического и оборонного развития. Канберра постепенно старается избавиться от роли «младшего партнера» США и Великобритании. Для этого Канберра наращивает оборонные расходы, модернизирует военно-морской флот, формирует собственную оборонно-промышленную базу и получает доступ к технологиям военно-морской ядерной энергетики. Но как раз эти процессы и показывают, что австралийская автономия развивается не за рамками союза, а внутри него.

Взглянув на оборонную политику Австралии в исторической ретроспективе, можно сказать, что на протяжении всего XX и начала XXI века оборона Австралии строилась вокруг поиска внешних гарантий безопасности, внешнего «покровителя». Сначала таким гарантом выступала Великобритания, затем ее вытеснили США, а в дальнейшем вокруг Австралии сформировалась многоуровневая система военно-политических и разведывательных связей: ANZUS, FPDA, Five Eyes, Quad и AUKUS. В этом смысле современная стратегия Канберры является продолжением исторического поведения. Австралия, обладая ограниченными ресурсами, стремится компенсировать их нехватку через тесное взаимодействие с более сильными союзниками. Однако в отличие от XX и начала XXI века сегодня речь идет не только о защите собственной территории, но и о способности купировать угрозу на дальних подступах, сдерживать растущий Китай и влиять на баланс сил в Индо-Тихоокеанском регионе.

AUKUS стал одним из ключевых моментов в изменении оборонной политики Австралии. Благодаря AUKUS страна получит доступ к атомным подводным лодкам с обычным вооружением, современным военным технологиям, усилит кадровый потенциал, а также будет более тесно сотрудничать с оборонной промышленностью США и Великобритании. Все это серьезно усиливает военные возможности Австралии. По сути, Канберра получает технологии, которые раньше были доступны только очень ограниченному кругу государств. Австралия, благодаря этому соглашению, сближается со странами, которые владеют передовыми ядерными и военно-морскими технологиями, хотя AUKUS не превращает ее в ядерную державу в полном смысле слова. Никто не ведет речь о создании ядерного оружия или его размещении на австралийской территории. Суть соглашения сводится к оснащению подводных лодок ядерными энергетическими установками, при этом вооружение самих субмарин остается конвенциональным.

Австралия располагает серьезными преимуществами в научно-техническом, кадровом и ресурсном отношении. Исследовательская база страны включает ANSTO, реактор OPAL, Австралийский синхротрон, центры нейтронного рассеяния и ускорительных исследований – инфраструктуру, которая создает фундамент для развития ядерных компетенций. Университеты и образовательные программы постепенно готовят специалистов в области ядерной инженерии, радиационной безопасности, материаловедения, способных в перспективе обслуживать военно-морскую ядерную инфраструктуру. Кроме того, Австралия обладает крупнейшими в мире запасами урана, что теоретически дает ей мощную сырьевую основу для развития национальной ядерной программы.

Однако главным ограничением остается отсутствие полного ядерного топливного цикла. Австралия добывает уран, но не имеет собственных мощностей по его конверсии, обогащению и переработке отработавшего ядерного топлива. Более того, действующее законодательство прямо ограничивает развитие атомной энергетики и чувствительных элементов топливного цикла. В результате страна остается не самостоятельным ядерным игроком, а скорее поставщиком сырья, а также получает технологии от партнеров.

Юридические и политические ограничения тоже сильно сужают для Австралии возможность двигаться к ядерной независимости. Страна является членом ДНЯО, сотрудничает с МАГАТЭ и в целом уже давно заявляет о своей приверженности режиму ядерного нераспространения. AUKUS, конечно, создает непростую ситуацию. Австралия получает доступ к технологиям ядерной энергетики для подводных лодок, хотя сама при этом не является ядерной державой. Такой случай действительно выглядит как новый прецедент. Но Канберра, судя по ее позиции, не хочет выходить за рамки статуса безъядерного государства. Для нее важно не только получить новые военные технологии, но и не испортить свою репутацию «образцового нераспространенца».

Поэтому даже на фоне растущей напряженности в Индо-Тихоокеанском регионе маловероятно, что Австралия в ближайшей перспективе решит создавать собственное ядерное оружие. Слишком много юридических, политических и репутационных рисков. Отдельное значение имеют экономические и технологические барьеры. Развитие атомной энергетики требует огромных инвестиций, долгих сроков строительства, изменения законодательства и общественного одобрения. Австралии ориентируется на возобновляемые источники энергии, а атомная энергетика выглядит менее привлекательной с точки зрения стоимости и длительных сроков реализации. Военная составляющая также требует колоссальных расходов. Реализация «столпов» AUKUS превращается в крупнейший оборонный проект за всю историю страны и формирует долговременную

бюджетную нагрузку. Даже после завершения всех этапов Австралия не получит полного контроля над критически важными технологиями.

AUKUS парадоксальным образом расширяет ядерные возможности Австралии и одновременно их ограничивает.

Членство в альянсе предоставляет правительству технологии, которые прежде были доступны лишь нескольким государствам, укрепляет военно-морской потенциал и формирует своеобразный «околоядерный» статус. Этот же механизм также втягивает страну в более глубокую зависимость от партнеров в конкретных областях. Австралия в обозримой перспективе вряд ли станет полностью суверенным ядерным государством. Точнее было бы говорить об особом промежуточном положении, когда государство остается безъядерным в оружейном смысле, но располагает передовой научно-исследовательской базой, значительными ресурсами и подводным флотом нового поколения. Такая схема повышает международный статус государства, но при этом оно остается зависимым от партнеров.

Австралия вряд ли сможет добиться ядерной автономии в рамках AUKUS. Альянс порождает новую форму стратегической зависимости. Австралия становится не самостоятельной ядерной державой, а «ядерно-зависимым» союзником, прочно встроенным в технологическую, военную и политическую архитектуру США и Великобритании. И это парадокс. В основе современной австралийской стратегии – стремление к большей самостоятельности, которое вынуждает Канбэрру в то же время гораздо теснее включаться в систему альянсов, без которых страна обходиться не может.

Оценка перспектив ядерной независимости Австралии в контексте AUKUS – ограниченная. AUKUS обеспечивает не полную суверенность, а создает новую форму стратегической зависимости. Австралия превращается в «ядерно-зависимого» партнера – ее потенциал возрастает, однако он встроен в инфраструктурную, военную и политическую архитектуру Соединенных Штатов и Великобритании. Именно в этом заключается парадокс сегодняшней австралийской стратегии: стремясь обрести больше независимости, Канберра должна быть вовлечена в большую степень интеграции в союзническую структуру, от которой зависит ее безопасность.

Заключение

В представленной работе затрагивается интересная, перспективная и крайне противоречивая тема трехстороннего военного соглашения АУКУС между США, Великобританией и Австралией. Уже на начальном этапе своей реализации оно оказало и продолжает оказывать серьезное влияние на стратегическую динамику в Индо-Тихоокеанском регионе.

Будучи самой дорогой программой австралийского оборонного бюджета, проект создания атомных подводных сил вносит серьезные коррективы даже, можно сказать, деформирует перспективный план строительства вооруженных сил Австралии. Наиболее очевидный пример: на кон поставлено само существование австралийских подводных сил, отсчитывающих свою современную историю с 1967 г. Если АУКУС не сработает, то австралийские подводники останутся без материальной части: никакого запасного «плана Б» у официальной Канберры на этот случай нет.

Подобный сценарий не является гипотетической возможностью. Со времени начала второй администрации Д. Трампа над АУКУС сгущаются тучи. Сам Трамп не имеет личной привязанности к этому пакту, который является порождением враждебной ему демократической администрации Дж. Байдена и ее главного индо-тихоокеанского стратега К. Кэмпбелла. Более того, как известно, на одной из пресс-конференций Трамп спросил задавшего ему вопрос про АУКУС журналиста «А что это такое?». Гораздо хуже для Австралии, что заместитель военного министра США по политическим вопросам Э. Колби прекрасно знает, что такое АУКУС, и открыто подвергает сомнению полезность данного проекта для американских интересов. На слушаниях в Конгрессе США он заявил, что если предназначенные для передачи Австралии американские подлодки окажутся нужнее самим США, то Австралия останется ни с чем.

Объективные факты говорят о том, что пока процесс развивается именно в этом направлении. Американские судостроительные верфи, несмотря на все обещания, никак не могут увеличить темп строительства АПЛ, необходимых для закрытия оперативных потребностей ВМС США и создания излишка, который можно было бы без ущерба для их нужд передать Австралии. В Вашингтоне понимают, что передача 3-5 АПЛ Австралии – это игра с нулевым результатом: у американцев убыло, у австралийцев прибыло. Причем именно тогда (речь идет о 2030-х гг.), когда количественный состав американских подводных сил будет находиться на исторически низком уровне, и фактор сдерживания в отношении Китая ослабеет. Потенциальным решением данной проблемы могли бы стать гарантии официальной Канберры выступить в военном отношении на стороне Вашингтона

в случае начала его вооруженного конфликта с Китаем. Однако австралийцы таких гарантий американцам давать не хотят, а подлодки при этом получить хотят. Очевидно, что если бы они такие ручательства дали, скорее всего непублично, то реализация АУКУС шла бы по накатанной.

Вместо этого министр обороны Австралии Р. Марлз в мае объявил, что «оптимальный вариант» реализации соглашения, согласованный в 2023 г., теперь стал еще более «оптимальным»: все три пока еще ожидаемые к передаче американские АПЛ будут поддержанными. Марлз пытался сделать хорошую мину при плохой игре, утверждая, что однотипность американских подлодок упростит их обслуживание и подготовку подводников. Вместо того, чтобы подбодрить общественное мнение, он достиг противоположного результата. Ему никто не поверил, а его заявление стало поводом для экспертного сообщества утверждать, что данные изменения – это только глухие отголоски обзора АУКУС на предмет его соответствия американским интересам, который проводился под руководством Колби. Все большее число австралийцев стало задумываться, над перспективой краха АУКУС и его последствиях для обороноспособности Австралии – о чем изначально предупреждали бывшие премьер-министры этой страны П. Китинг, М. Тернбулл и бывший заместитель министра обороны по стратегии Х. Уайт.

Помимо зреющего кризиса австралийско-американских отношений на почве АУКУС, последствия данной инициативы уже открыли «ящик Пандоры» в части интереса к принятию на вооружение АПЛ другими странами. Доверенные американские союзники в регионе, вдохновленные примером Австралии, смогли обговорить согласие Вашингтона и даже его участие в том, чтобы они сами обзавелись атомным подплавом. Такую сделку уже заключила Южная Корея. Судя по всему, к этому близка Япония, где в публичных дебатах обсуждается необходимость постановки на вооружения подлодок национальной разработки с «энергетической установкой следующего поколения» (с ядерным реактором в переводе с языка политкорректности). Администрацию Трампа подобное развитие событий устраивает, поскольку способствует наращиванию военного потенциала союзников по антикитайской коалиции, а самому Вашингтону ничего не стоит. В скором времени Пекину, скорее всего, придется иметь дело не с одним АУКУСом, а сразу с тремя.

Необходимость изучения данных далеко идущих тенденций делает рассматриваемую работу востребованной и актуальной. Она вносит вклад в наше понимание сложной динамики изменения баланса сил в Индо-Тихоокеанском регионе: попыток США сохранить выгодный им статус-кво и стремления Китая его переменить. Исход этой «большой игры» будет в конечном итоге определяться соотношением сил сторон, успешностью или безуспешностью их попыток изменить это соотношение в свою

пользу. В 2021 г. АУКУС стал одной из таких попыток со стороны стратегов администрации Байдена. Похоже, что она была основана на переоценке собственных возможностей и недооценке потенциала соперника, который гораздо быстрее, чем предполагается даже оптимистичными сроками реализации АУКУС, меняет региональный баланс сил в свою пользу. И если для США в документах стратегического планирования предусмотрен «план Б» – отступление в Западное полушарие с опорой на доктрину Монро, то у американских союзников в АТР никакого запасного варианта нет: отказ США от продолжения геополитической схватки с Китаем за преобладание в Восточной Азии означает для них новую, нелицеприятную реальность. Недаром авторитетный австралийский стратег Х. Уайт считает, что в случае стратегического отступления США из региона Япония и Южная Корея в короткий срок станут обладателями ядерного оружия. А за ними, вероятно, последует и Австралия: по свидетельству Х. Уайта, ссылающегося на относящиеся к 1980-м гг. данные (по последующему периоду они по-прежнему засекречены), австралийское военное ведомство на регулярной основе просчитывало время и ресурсы, необходимые для реализации ядерно-оружейной программы с опорой на собственные силы. Как продемонстрировано в подготовленной ПИР-Центром работе материальные предпосылки для реализации такого сценария у Австралии есть: от крупнейших в мире запасов природного урана, до опыта, накопленного в рамках национальной программы ядерных исследований, у истоков которой стояли австралийцы-ветераны английского ядерного проекта «Тьюб Эллойс» и американского «Манхэттэнского проекта».

Во всех потенциальных сценариях геополитических трансформаций в АТР пакт АУКУС – тем или иным образом – призван сыграть не последнюю роль. Поэтому важно продолжить изучение всех его аспектов и в данной связи высоко оценить выполненную на достойном уровне работу ПИР-Центра, которая вносит вклад в профильную дискуссию и способствует более глубокому пониманию проблемы.

*Владимир Ладанов,
советник-посланник Посольства России в Индии*

Об авторе

Шахов Юрий Альбертович – редактор блока «Информация и цифровые коммуникации» ПИР-Центра, выпускник магистерской программы МГИМО МИД России и ПИР-Центра «Международная безопасность» и факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Выпускник XXIV Международной школы по проблемам глобальной безопасности для молодых специалистов-международников.

Принимал участие в исследовательских школах Студенческого научного общества факультета международных отношений СПбГУ, Конгрессе исследователей международных отношений, зимних конференциях, I Российско-африканском форуме молодых международников по проблемам безопасности и развития.

Сфера научных интересов включает международную безопасность, контроль над ядерными вооружениями, ядерное нераспространение, оборонную политику государств Индо-Тихоокеанского региона, вопросы оружия массового уничтожения и применение методов разведки по открытым источникам (OSINT).

Отзывы на доклад ПИР-Центра

«Реализация проекта AUKUS и общее размывание режима ядерного нераспространения в условиях международной напряженности является одной из острейших проблем современности, соответственно, представленная работа носит актуальный характер и имеет практическое измерение. Сильной стороной выполненной работы является подробный анализ инфраструктуры «ядерной» науки и образования в Австралии. Исследование написано понятным языком, результаты могут использоваться в научной и практической деятельности в сфере анализа международной безопасности и международного научно-технологического сотрудничества».

Дмитрий Стефанович,

научный сотрудник Сектора военной экономики и инноваций Центра международной безопасности, сооснователь проекта «Ватфор»

«Автор взялся за тему, которая вызывает сейчас повышенный интерес как в международных кругах, так и в отечественном экспертном сообществе: есть ли риск того, что Австралия, где на сей момент даже нет атомных электростанций, но имеются масштабные запасы уранового сырья и знания о ядерном оружии, превратится в новую самостоятельную ядерную державу? И отдельный, но не менее актуальный вопрос: какую роль в ядерных возможностях Австралии уже играет и сможет сыграть в дальнейшем ее членство в альянсе? Таким образом, данный доклад является актуальным и востребованным с учетом происходящих международных процессов. Более того, работа представляет собой ценный, новаторский вклад в изучение ядерных возможностей Австралии как таковой, а также альянса AUKUS. Доклад отличается актуальностью, глубоким исследованием и четкой структурой изложения. Автор провел всесторонний анализ, опираясь на широкую базу источников, включая документальные и научно-исследовательские. Ряд источников введен в научный оборот впервые. Шахов Ю.А. владеет обширными знаниями в части истории и документов по ядерным возможностям Австралии, превосходящими все то, что ранее было исследовано российскими специалистами в рамках данного аспекта. Примененный методологический подход оказался уместным для решения поставленных задач. Работа построена логично и четко, каждая глава имеет ясно определенную тему и связана с общим контекстом исследования. Более того, данная работа должна быть рекомендована к ознакомлению в профильных подразделениях МИД России, других министерств и ведомств».

Владимир Орлов,

директор и основатель ПИР-Центра, профессор МГИМО МИД России

Серия
«Доклады ПИР-Центра»

Видео семинара
«Ядерные программы
Австралии и ФРГ: место в
архитектуре международной
безопасности»

Оценка угроз
распространения ядерного
оружия в мире: кто новые
игроки

Серия «Доклады ПИР-Центра»: https://pircenter.org/category_editions/doklady/

